

Бомбардир

Автор:

Юрий Корчевский

Бомбардир

Юрий Григорьевич Корчевский

Пушкарь #2

Приключения Юрия Кожина – нашего современника, врача, волею судьбы заброшенного в XVI век, продолжают. За границей государства Российского – во Франции, в Италии, в Англии, в Швеции его умения лекаря и пушкаря неизменно спасают его и товарищей от гибели и несчастий. Любовь к Насте, приобретение делового опыта, развитие производств, отражение польского нашествия – везде востребованы ум, находчивость, порядочность, чувство долга перед Родиной и близкими.

Юрий Корчевский

Бомбардир

Глава 1

Поднявшись утром, решил собираться. Дело сделано, языка не знаю – пора и честь знать. Собрал невеликие свои пожитки.

Но напоследок хотелось встретиться с Филиппом. Попрощаться, конечно, ну и забрать вещи, которых в комнате я не находил – например, не было штуцера, мушкета, подаренной шпаги, одежды. Очень кстати, легок на помине, вошел

Филипп в черном деловом сюртуке. Прямо с порога он воскликнул:

– Я так и знал, что ты будешь собираться в дорогу! Куда ты вчера исчез? Я искал тебя весь вечер.

– С дамой был. Помнишь ли ты прекрасную графиню, что сидела напротив меня?

Филипп весело захохотал:

– А я уж думал, ты не попробуешь ни одной француженки! Собирай вещи, едем ко мне, весь твой багаж у меня дома. Можешь отдохнуть у меня, куда тебе торопиться?

Но я хотел уехать до осенних штормов и распутицы: август кончился – неизвестно, как встретит Русь, какой погодой. Мы поехали на карете домой к Филиппу. По дороге я разглядывал дома, улицы и площади. Но после дворца они не произвели на меня большого впечатления.

По французским меркам дом Филиппа был неплох – в два этажа, из пиленого камня, с дубовыми дверями. Сзади, за домом, был небольшой садик. В комнате в целости и сохранности лежала моя сумка с одеждой, в кожаных чехлах хранились ружья. Мы посидели, выпили вина, к которому я уже начал привыкать. Филипп вызвал слугу и отправил его с каким-то поручением.

– Каким путем ты будешь добираться назад?

– Думаю так же, как и сюда: морем до Ивангорода, если получится – с русскими купцами до Новгорода, а там – как повезет.

– Охрану бы нанял! Сто золотых ливров – сумма большая, можно купить морской корабль или имение во Франции. Разбой на дорогах процветает, если прознают про деньги – беда!

– Так пара охранников не уберезет, случись серьезная передряга.

– Должен сказать тебе по секрету, со дня на день может начаться война с Испанией. Войска уже идут к югу, на море стычки уже происходят, как бы не

попасть на море в неприятности: захватят судно в плен или еще хуже – утопят, может, лучше сушей? С немцами отношения хорошие, доедешь до какого-либо немецкого порта – Киля или Данцига, а там, на Балтике, испанцев нет, да и с немцами они не воюют.

Я задумался. Верно говорит. Пожалуй, я так и сделаю: по суше через Германию до немецких портов, а дальше морем.

Я поблагодарил Филиппа за совет, мы выпили еще прекрасного бургундского. На улице застучали подковы, послышался шум колес подъехавшего экипажа.

– Это за тобой. Я послал слугу нанять для тебя экипаж, но еще не знал, куда ты поедешь, какой дорогой, так что с кучером пойдем договариваться вместе.

Мы вышли. У дома стояла большая карета, запряженная парой лошадей, кучер ждал возле нее. Это был толстый, солидный дядька с длинными усами; красные щеки и нос с прожилками выдавали любителя выпить. Филипп стал договариваться, и конечной целью определили Любек – один из оживленных портов Ганзейского союза, там часто бывали русские корабли. Филипп, бурно жестикулируя, начал сговариваться о цене. Наконец он подошел ко мне, спросил, есть ли у меня еще какие-либо деньги, кроме золотых ливров короля. Я поинтересовался:

– А какие нужны? – У меня были с собой из Москвы.

– Я договорился за два серебряных гульдена, один нужно отдать сейчас авансом.

Я отвернулся от кучера, развязал поясной кошель, высыпал на ладонь горсть серебряных монет. Филипп выбрал одну и вручил ее кучеру. Слуга тем временем снес к экипажу мои вещи. Кучер взобрался на облучок и поинтересовался, будет ли охрана. Получив отрицательный ответ, неодобрительно покрутил головой, вытащил из-под облучка здоровенный короткоствольный мушкетон... елки-палки, да это была чуть ли не маленькая пушка! Довольный произведенным впечатлением, кучер сунул оружие назад и что-то проговорил по-французски. Филипп перевел:

– Заднее окно кареты опускается, и, если господин имеет ружье, – тут он покосился на ружейные чехлы, – то может стрелять через окно.

Ну что же, хорошо, что предупредил. Пока слуга затаскивал в экипаж вещи, коих было немного, мы дружески обнялись с Филиппом, похлопывая друг друга по спинам. Прошедшие приключения и дальняя дорога нас сблизили, и было бы неплохо, если бы Филипп вернулся в Москву, но увы... Филипп даже всплакнул, утерев глаза кружевным платочком.

Я сел в экипаж и мы тронулись. Какое-то время в заднее окошко я видел его силуэт, махавший мне рукой.

Сначала я разглядывал проплывавшие мимо дома, потом пошли окраины, и я решил заняться оружием. Достал из чехлов, почистил и зарядил штуцер и мушкет, затем оба пистолета. Шпага лежала в ножнах. Я вытащил ее, любовался блеском отличной стали и со вздохом убрал назад. Пользоваться ею я не умел, так же как, и другим холодным оружием – научился немного махать саблей, но в поединке с опытным фехтовальщиком мне долго не продержаться.

Укачиваемый в подрессоренной карете, на мягких сиденьях, обитых кожей, я вскоре задремал. Проснулся от того, что остановились у постоялого двора. Кучер знаками показал, что надо бы покормить лошадей и поесть самим. Я вошел в таверну. Зала была пустынна – или время не обеденное, или место не бойкое. Подошедшему хозяину я жестами объяснил, что хочу курицу и вино. Все это быстро принесли, и мы с кучером разделили трапезу, а поскольку из кухни восхитительно пахло пирогами, взял с собой в дорогу парочку пирогов со сладкой начинкой и бутылку вина. Кучер покосился на бутылку, сел на облучок, и мы снова тронулись.

Дороги были грунтовые, пыль летела из-под колес, и, хотя боковой ветер был несильный, она набивалась в карету, садилась на волосы и одежду. Пожалуй, кучеру на свежем воздухе сейчас приходилось лучше. После того как миновали несколько деревень и небольшой городок, какое-то седьмое чувство заставило меня насторожиться. Я обернулся и посмотрел в заднее окошечко кареты.

Нас догоняли четыре всадника, а наши лошади уже подустали – вряд ли мы оторвемся на ходу. Я расчехлил ружье и, когда в клубах пыли появился просвет,

опустил откидное окно, высунул ствол, прицелился и выстрелил. Один всадник упал, но остальные пришпорили коней и стали приближаться. Я слышал, как кучер подгонял усталых лошадей, пытаюсь уйти с лесной дороги, карета подсакивала на корнях деревьев и ухабах. Времени перезарядить ружье не было, и я взял мушкет.

Теперь главное – не выстрелить раньше срока. Мушкет заряжен картечью – максимум пятьдесят метров для хорошего выстрела.

Всадники, не встретив огня, быстро приближались. Я прицелился, выстрелил, и один из них упал с лошади, а второй безжизненно свесился с седла. Оставался еще один. Видно, сильно обозленный потерей товарищей, он не отставал, неминуемо приближаясь. Я высунул в окно пистолет, прицелился и выстрелил, но в это время карету сильно качнуло, и я увидел, что пуля срезала лишь несколько веток в стороне. Не беда, есть еще один пистолет. Я отбросил на сиденье разряженный и взял готовый к стрельбе. Лицо догонявшего было скрыто под полумаской, в правой руке он сжимал шпагу, за поясом виднелась рукоять пистолета.

Наши кони устали, стали хрипеть. Кучер что-то прокричал по-французски – понять бы еще что! Я понимал лишь, что еще минута-две такой скачки – и лошади встанут. Эх, сейчас бы мушкет... но он уже разряжен, а кучер сейчас был занят лошадьми и пока не мог мне помочь...

Вот до преследователя осталось не более десяти метров, и я прицелился ему в грудь. Даже если у него под одеждой кольчуга или панцирь, удар будет такой силы, что его просто вышибет из седла. Я выстрелил, но мерзавец в последний миг резко наклонился, опершись на стремя.

Баланс сил теперь стал непредсказуем. У разбойника заряженный пистолет и шпага, а у меня – только шпага, которой я не умею владеть. Ну что же, выбора не было! Я вытащил шпагу из ножен, и в это время слева послышался звон стекла. Разбойник уже скакал рядом и выбил окно ногой. Я прижался к стене кареты, чтобы меня не было видно и, как только рука разбойника ухватилась за край облучка – вероятно, он хотел сразить кучера, – резким выпадом всадил шпагу ему в плечо. Он вскрикнул от боли и неожиданности и выронил свою шпагу, но не растерялся и левой рукой выхватил из-за пояса пистолет. Правая рука его повисла как плеть, по рукаву обильно струилась кровь. Он выпустил поводья, и его лошадь поскакала рядом с каретой. Я попытался уколоть его

шпагой, но он увернулся. Стрелять в меня ему было несподручно, для этого необходимо было повернуться всем корпусом, а раненая рука сковывала движения.

Кучер, видно, понял, что дела идут не очень хорошо: я давно не стрелял. Он вытащил из-под сиденья мушкетон, обернулся влево и, держа мушкетон правой рукой, выстрелил. Разбойника качнуло в седле: вероятно, все-таки зацепило. В ответ он почти мгновенно выстрелил в кучера. Несколько секунд ничего не происходило, затем лошади замедлили ход, и карета остановилась. Я пинком открыл правую дверцу и, схватив шпагу, выскочил. Лошади стояли в пене, тяжело поводя боками, кучер, обмякнув, сидел на облучке, прислонившись спиной к стенке кареты и свесив голову.

Сзади раздался шорох. Я мгновенно обернулся и увидел противника: молодой человек крепкого телосложения, по правой руке стекает кровь, на левой виднеется несколько кровавых пятнышек от дробы мушкетона, из которого стрелял кучер. Лицо его было искажено от ярости и боли, и настроен он был решительно.

Как врач я понимал, что долго ему не продержаться, – скажется кровопотеря, вон лицо уже бледноватое, – но разбойник шагнул вперед и взмахнул шпагой. Реакция у меня была неплохая: я успел присесть, и клинок просвистел у меня над головой. Похоже, левой рукой он владел неплохо, учитывая то, что в ней застряло несколько дробинок. Я решил его измотать, перебежав по другую сторону кареты, разбойник последовал за мной, но не так резво.

Ага, похоже, я выбрал правильную тактику: надо погонять его, пока он не растеряет все свои силы от кровопотери! Я не давал ему приблизиться на расстояние удара шпагой, держа дистанцию метров пять, постоянно перемещаясь за деревья, карету, валуны. Разбойник на глазах слабел, его уже пошатывало, но его решимость не убывала. Он понимал, что если он не убьет меня, то я убью его.

Наконец судьба дала мне удачный момент: француз запнулся о корень дерева и потерял равновесие. Я, не колеблясь ни минуты, подскочил к нему и всадил ему шпагу в левый бок. Застонав, он упал, но какой живучий оказался, из положения лежа попытался уколоть меня своей шпагой в живот. Мне удалось отскочить и, зайдя с другого бока, я ударил его шпагой прямо в сердце. Посучив ногами, разбойник затих. Я устало сел на пенек, переводя дыхание, посидев несколько

минут, поднялся, обтер об одежду убитого шпагу и вложил в ножны. Залез в карету и трясущимися от пережитой схватки руками перезарядил все свое оружие, заткнув пистолеты за пояс. Кто его знает, не появится ли на дороге кто-либо еще, например дружки убитых разбойников: оставаться безоружным мне не хотелось. Теперь надо было выяснить, что с кучером – жив ли он, а если ранен, то насколько тяжело.

Когда я забрался на облучок и начал нащупывать пульс, кучер застонал. Жив, курилка! Я как мог осторожно спустил его на землю, стянул кафтан и осмотрел. Пуля разбойника раздробила ему плечевую кость, рука безжизненно болталась, неестественно изогнувшись выше локтевого сустава. Я бросился в карету, достал сумку с инструментами, первым делом влил ему в рот настойку опия – иначе болевой шок может его погубить, – затем сходил в лес и наломал веток, чтобы наложить шину. Разрезав рукав рубашки, несколько расширил рану, извлек расплюснутую свинцовую пулю и крупные обломки кости, наложив веточки по размеру, как мог репозировал[1 - То есть вернул в нормальное положение (мед. термин).] обломки кости, наложил импровизированную шину. Затем с большим трудом затащил кучера в карету и уложил его на сиденье. Щеки его еще были бледными, но пульс уже вполне приличный для тяжелораненого.

Теперь надо было заняться убитым. Я обшарил карманы, в которых нашел пару золотых монет, припрятал их, чтобы затем отдать кучеру на лечение – ведь какое-то время он не сможет работать. Осмотрев шпагу разбойника, нашел, что она довольно хорошего качества, и, обтерев, сунул в ножны, отстегнутые с пояса убитого. Пистолет был старый, уже тронутый ржавчиной, интереса для меня не представлял, но поскольку железо было довольно дорого, я все равно сунул его вместе с мушкетом кучера под сиденье облучка. Осмотрел место схватки, если бы не убитый, то ничего бы и не говорило о поединке. Убитого решил не хоронить и не брать в карету. Найдут разбойники – похоронят, найдут волки или шакалы – кроме черепа ничего не останется, увидят честные люди – порадуются, что одним мерзавцем стало меньше. Маску с его лица я не снял, а честный человек лицо не укрывает.

Сев на облучок, я взял вожжи, и немного отдохнувшие лошади медленно поплелись по дороге. Через пару километров показалась деревня с небольшой церквушкой. Туда я и направил лошадей, остановив их на небольшой площади. Вокруг меня собралась небольшая толпа местных жителей. Я спрыгнул с облучка, отворил дверцу кареты, жестом подозвал двух местных, похоже

крестьян. Они с опаской заглянули внутрь, увидели кучера с пятнами крови и о чем-то заговорили с остальными. Раненый застонал, и я жестами показал, что его надо бы отнести в дом. Кучера вынесли и положили на землю, подстелив какую-то дерюжку.

К нам подошел из церкви кюре или пастор – кто его разберет – в сутане с белым воротничком, бегло осмотрел кучера, что-то проговорил. Двое местных бросились вглубь деревни, а раненого, взяв дерюжку за концы, перенесли в ближайший дом.

Я стоял на площади рядом с каретой в одиночестве и решал, что же мне делать. Мои размышления прервал появившийся жандарм. Здоровенный детина в форме, с саблей на боку, утирая грязным платком вспотевший лоб, спросил меня о чем-то по-французски. Я ничего не понимал и лишь, указав на себя пальцем, несколько раз повторил:

– Руссо, Московия.

Жандарм сходил за священником, и тот попытался поговорить со мной на польском. Отдельные слова я улавливал, медленно, чтобы он меня понял, я рассказал, что москвит, приезжал в Париж по просьбе короля. Возвращаясь назад, подвергся нападению разбойников, один из которых убит и лежит в лесу недалеко отсюда. В доказательство я вытащил свои дорожные бумаги и предъявил. Жандарм с интересом их посмотрел, но, по-моему, ничего не понял, так как читать не умел. Однако, как и всякого служивого, важные бумаги с сургучными печатями его успокоили. Он ушел, и через несколько минут уже проскакал мимо меня верхом, направляясь по дороге в лес, где произошла стычка.

Я опять остался один. Немного потоптавшись, сел в карету, ожидая, чем это все кончится. Где-то через час опять появился жандарм. Возле него собрались местные жители, вышел кюре. Жандарм рассказал, что в лесу лежит убитый известный разбойник, которого давно разыскивают за многочисленные преступления. Кюре подтвердил его рассказ, объяснив, что раненый пришел в сознание и смог рассказать о нападении. От толпы отделились несколько человек и повели лошадей и карету во двор дома, где лежал раненый. Туда же пошел и я. Как мог, я постарался поговорить со священником, стараясь объяснить ему, что мне надо ехать дальше. Он лишь мотал головой, показывая жестами, что надо поспать. И в самом деле, я за всеми этими событиями не

заметил, что солнце уже садится и скоро стемнеет. Мне постелили в доме, и я перетащил сумку с деньгами и оружием к себе в комнату. Вскоре ко мне вошла хозяйка и пригласила с собой. За столом сидела многочисленная семья хозяина дома. Меня тоже усадили за стол, и я разделил с ними скудную трапезу.

Утром я пошел к священнику – только с ним я мог хоть как-то изъясняться. Он повторял только одно: «Ждать». Ну что же, будем ждать. Пока нечего было делать, я навестил раненого. Состояние его улучшилось, он был в сознании, но бледен. Здоровой правой рукой он пожал мне руку, что-то проговорив. Я достал серебряный гульден и, хотя кучер пытался протестовать, вложил ему в руку. Мне показалось, что он его заслужил.

С улицы донесся стук копыт и шум колес. Я вышел и увидел небольшую карету, запряженную одной лошадью. Из церкви вышел священник и объяснил, что дальше меня повезет эта карета – лучшего транспорта в ближайшем городке не нашлось. Оказалось, вечером он отправил своего прихожанина в соседний городок, чтобы найти мне новое средство передвижения. Я с чувством пожал ему руку, поняв теперь, что означало его «ждать».

Перегрузив вещи в карету, мы тронулись в путь. Молодой кучер во все горло распевал песни, ничуть не заботясь, нравится ли это мне. Без приключений мы добрались до Любека. Кучер подъехал к порту, выгрузил мои вещи, и я расплатился.

Я отнес вещи на припортовый постоялый двор и снял там комнату, заодно хорошо пообедал. Теперь надо было искать корабль в нужную сторону. Двинулся на пристань, пытаюсь по очертаньям кораблей узнать русский.

Вот что-то похожее на большой морской ушкуй, с кормовой надстройкой. Подойдя, я окликнул матроса. Тот действительно оказался русским. К сожалению, они пришли только вчера, дня два-три уйдет на разгрузку, затем уйдут грузиться в другой порт. Но с другой стороны пирса стоит русский купец. Вчера они грузились, сегодня, наверное, будут отходить.

Поблагодарив за помощь, я пошел к указанному судну. И в самом деле, у пирса стояла пузатая торговая шхуна новгородского купца, который согласился взять меня с собой до Новгорода за три серебряных рубля, если без харча, и за пять со столованием.

Деньги ему я отсчитал сразу, попросив для переноса вещей двух матросов. За пять серебряных новгородок вещи были перенесены на корабль в отведенную мне маленькую каюту, и, перекрестившись, купец приказал отчаливать.

Мы медленно, на одном носовом парусе, выбрались из гавани и оказались в открытом море. Были подняты все паруса, и шхуна бодро устремилась на восток.

Я постоял немного на палубе, но утомленный долгой ездой в карете, решил пойти в каюту отдохнуть. Проснулся от стука в дверь: меня приглашали к ужину. На палубе сидела вся команда. Посередине стоял котел с кулешом, лежал нарезанный хлеб. Мы поели, затем купец меня стал расспрашивать – кто я и откуда, какие где цены. Поскольку цен на товары я не знал, слегка раздосадованный купец отставил меня в покое. На судне были спущены все паруса, лишь горел светильник на мачте и на носу ходил вахтенный. Команда улеглась спать, и я последовал их примеру.

Утро оказалось не таким радостным. Проснувшись, я услышал торопливую беготню матросов на палубе, возбужденные разговоры. Быстро оделся и выскочил из каюты. Невдалеке от нас, в паре кабельтовых, покачивался на волнах громадный военный корабль с несколькими рядами пушечных портов на борту. На его корме реял шведский флаг.

Наш капитан вглядывался в судно, пытаясь понять, какого черта им от нас надо. Когда он уходил из Новгорода, Швеция с Россией не воевала, на пиратское судно наша пузатая торговая шхуна никак не походила, но ведь и просто так военный корабль тут стоять не будет. Отбиться от него двумя скромными пушечками нечего и думать. У него с одного борта я успел насчитать шестьдесят портов. Залпа половины из больших пушек на такой короткой дистанции хватит, чтобы от шхуны остались мелкие щепки.

Оставалось ждать. От фрегата отвалила шлюпка и направилась к нам. Несколько матросов гребли, было видно двух офицеров в белой униформе. Шлюпка подошла, стукнулась о борт. Купец распорядился сбросить веревочный трап. На борт взобрались два морских офицера в шляпах с перьями, в высоких ботфортах. Поправив одежду, на русском спросили:

– Кто капитан, каков груз, откуда и куда следуете?

Купец вышел вперед.

– Следуем из Любека в Новгород, груз – железо в криницах и железные изделия.

– Мы должны досмотреть судно. По сообщению шведских властей, вы перевозили в Любек товары, не заплатив пошлины!

Купец начал возмущаться, пытаясь что-то доказать, но его никто не слушал. Один из офицеров дунул в свисток, болтавшийся у него на шее, и на шхуну полезли матросы со шлюпки. Один встал у руля, двое других согнали команду на нос судна, офицер помахал шляпой фрегату. Матросы распустили паруса, и мы двинулись за фрегатом в кильватере. К вечеру, когда мы уже продрогли на ветру, показался шведский берег. Фрегат подошел к пирсу, мы встали следом. На борт были брошены сходни, вошла команда портовой охраны, и нас согнали на берег, не позволив взять даже личные вещи.

Под конвоем из четырех вооруженных солдат нас отвели в портовую тюрьму, располагавшуюся неподалеку, и заперли в одной общей камере. Все устало повалились на грязную сопревшую солому. В углу пищали и возились крысы; хотелось пить и есть. Свет еле проникал через маленькое зарешеченное оконце, солнце уже садилось, и с каждой минутой в камере становилось темнее.

Я обратился к купцу:

– Слышь, Гриша, за что нас? Как долго мы будем здесь сидеть?

– Вины за собой я не знаю, а сколько будем сидеть – одному Богу известно. Придется ждать суда – раньше нас не отпустят. Хорошо еще, если судно и товар не конфискуют: завсегда свеи русских купцов обижали.

Я переварил услышанное и решил спать, в моем положении ничего более не оставалось.

Утром купца увели, затем поодиночке стали вызывать членов команды. Меня вызвали в последнюю очередь. В маленькой комнате за столом сидели в камзолах двое важных господ. В руках у них я увидел свои подорожные документы:

– Кто вы, с какой целью находитесь на судне?

– Я лекарь из Московии, мое имя Кожин, на судне нахожусь пассажиром, направляюсь из Франции домой, в Москву. Мне хотелось бы знать, на каком основании я задержан? Документы мои в порядке, к судну я никакого отношения не имею.

Шведы о чем-то переговорили на своем языке.

– Будете находиться вместе с командой на общих правах до решения суда.

– А в чем моя вина?

Но слушать меня никто не стал. Надзиратель грубо толкнул в плечо и отвел в камеру. И это у них, блин, правосудие?

Вся команда уже была в камере, не хватало лишь купца, владельца судна и капитана в одном лице. Его под руки притащили позже, был он избит. Как мог, я попытался оказать помощь. Еды снова не давали, но принесли в большом кувшине воды, все напились, я смочил купцу повязки.

– Гриша, что они хотели?

Купец, застонав, повернулся на бок.

– Хотят, чтобы я признал свою вину в том, что якобы беспошлинно возил воск и меха в Ганзейский союз.

Ага, прямо тридцать седьмой год какой-то – под палками можно признать все что угодно!

– А если заставят признаться?

– Судно и груз конфискуют в королевскую казну, команду отправят на галеры или на каторгу.

Такой оборот меня не устраивал. Надо было что-то придумывать. Осмотрев решетку на оконце и стены, понял, что кроме как через дверь не выбраться.

Я придвинулся к купцу ближе.

- Гриша, а суд может нас признать невиновными и отпустить?

Купец долго молчал – я даже подумал было, что он не услышал вопроса, – но наконец произнес:

- Это вряд ли.

Такой ответ еще более укрепил меня в решении, что отсюда надо бежать.

- Гриша, бежать надо!

Купец лишь усмехнулся разбитыми губами:

- А как?

- Да на нашем же судне!

- До судна еще добраться надо, а там охрана. Да даже если уйдем из порта, фрегат догонит – он значительно быстрее.

Я надолго задумался. Да, препятствий много, но каторжный труд на серебряных копах короля Густава меня не прельщал. Я зашептал Григорию в ухо:

- Кто из твоих ребят может держать язык за зубами и силушкой не обижен?

Купец даже не задумался.

- Федор Карасев и Онуфрий Оглобля.

- Позови их к нам!

Я боялся посвятить в свой план всю команду: вдруг шведы попытаются маленько вздумают – не всякий язык удержать сумеет. Пока нас не развели по разным камерам или не заковали в кандалы или не сотворили еще что-нибудь такое же мерзопакостное, нужно было действовать.

Я объяснил Федору и Онуфрию задачу и начал стучать в дверь. Долго ничего не происходило, затем в коридоре послышались шаги, и в двери открылось окошечко. Надзиратель что-то спросил на шведском. Я бойко затараторил на русском, показывая рукой вглубь камеры.

Сработает ли моя уловка? Окошко закрылось, загромыхали ключи, дверь в камеру приоткрылась и высунулась рука с масляным светильником. Федор тут же ухватился за руку и резко втащил стражника внутрь. Тот и пикнуть не успел, как Онуфрий тряпкой заткнул ему рот. К сожалению, никакого оружия у него при себе не было – лишь связка ключей.

Я стащил с него форменную одежду и надел поверх своей. Поскольку стражник был ростом высок, как и все шведы, форма пришлась мне впору. Было неприятно натягивать на себя чужую, пахнущую чем-то кислым одежду, но выбора не было.

Шведа связали и бросили в углу.

– Кто-нибудь говорит по-местному? – обратился я к команде.

Один из матросов сказал, что немного умеет.

– Выясни у него, где и сколько охраны в тюрьме.

Матрос залопотал по-шведски (кляп изо рта у надзирателя мы вытаскивать побоялись – тот с перепугу мог закричать). Стражник на пальцах показал – двое. Не так уж и плохо. Времени терять было нельзя: если все пойдет как надо, побег обнаружат утром, когда придет смена.

Я вышел в коридор и направился к выходу, за мной тихо крались Федор и Онуфрий, остальные сидели в камере. Подошли к караульному помещению. Оно слабо освещалось масляной плашкой, на столе стоял кувшин с вином, двое стражников в расслабленных позах сидели на лавках. Дисциплина здесь явно

хромала. Я опустил голову, стараясь, чтобы свет не падал на лицо – может, на мгновение это собьет стражников с толку.

Где находится оружие, я не знал – плохо, если под рукой у тюремщиков. Обернувшись, сделал знак Федору и Онуфрию быть наготове, не спеша открыл дверь, позвякивая связкой ключей. Один из стражей поднял голову и, пока он не успел меня разглядеть, я обрушил кулак с зажатыми в нем ключами ему на голову. Мои сокамерники, ворвавшиеся следом за мной, быстро скрутили второго. Связав им руки и ноги поясными ремнями, мы заткнули им рты одеждой и, не церемонясь, отволокли в камеру.

Моряки с нетерпением ожидали нас. Я приказал не шуметь и тихо идти к выходу. Дверь в нашу бывшую камеру на всякий случай запер. С ключами в руке пошел к выходу, где уже стояли все наши.

В караулке мы нашли две алебарды и три короткие сабли, больше похожие на абордажные, – да, невелик арсенал, но это лучше, чем голые руки. Хорошо, что нас разместили в припортовой тюрьме – охрана здесь слабая, да и до судна добираться недалеко. Было бы хуже, если бы нас заперли в городской тюрьме – там охрана была бы серьезней, и попробуй-ка найти дорогу в ночном городе!

Мы медленно продвигались среди портовых построек и складов, стараясь не шуметь и не привлекать внимание. Вот и наше судно; у сходней маячит охранник, и неизвестно, сколько их на шхуне, и есть ли они еще. До стоящего у пирса фрегата метров семьдесят – шуметь нельзя, тревога поднимется мгновенно. Даже если на фрегате часть команды на берегу, оставшихся с лихвой хватит, чтобы порубить нас в капусту.

Поскольку я был в чужой форме, решил идти туда сам. Сунул в рукав нож, Федору поручил незаметно подобраться к охраннику сбоку и в нужный момент отвлечь его внимание: бросить камень в воду или кашлянуть. Онуфрий должен был идти передо мной. Со стороны это могло выглядеть так, будто я сопровождаю задержанного: все бы хорошо, но вряд ли арестованных водят по ночам. Расчет был только на некоторую растерянность охранника, хотя бы минутную.

Вся оставшаяся часть команды шхуны спряталась в тени портового склада.

Ну, пора! Федор уже минут двадцать как уполз и должен быть на месте. Мы с Онуфрием вышли из-за пакгауза и, не торопясь, направились к нашей шхуне. Когда до охранника осталось несколько метров, он что-то спросил. Я сделал вид, что закашлялся, но по-прежнему шагал вперед. Охраннику мое молчание явно не понравилось. Он начал шарить по поясу, явно пытаясь вытащить из ножен палаш. В это время очень кстати дал себя знать Федор – в воду рядом со шхуной свалился какой-то крупный предмет. Охранник инстинктивно обернулся на шум, я рванулся вперед и всадил ему нож прямо в сердце, одновременно зажимая рот рукой. Подскочивший Онуфрий подхватил его за ноги, и мы живо затолкали убитого в щель между бочками, стоявшими на пирсе.

Уже втроем, вместе с Федором, который взял палаш убитого в руку, мы осторожно поднялись на нашу шхуну. Поскольку матросы знали корабль лучше меня, они пошли первыми. Даже в темноте они хорошо ориентировались в закоулках шхуны. Мы быстро обшарили весь корабль – пусто, никого. Я распорядился, чтобы Онуфрий тихонько привел на судно всю команду. Сам прошел в свою каюту – все вещи, оружие, даже деньги были на месте, вероятно до решения суда. Я осмотрел свои пистолеты – они оказались заряжены – и сунул их за пояс.

На палубе послышалось шарканье подошв, тихое чертыхание – пришла команда. Распорядившись, чтобы люди зашли в трюм и не высывались, мы уединились с купцом Григорием, Федором и Онуфрием в небольшой капитанской каюте. Поскольку план побега исходил от меня, и пока все шло как надо, я невольно стал лидером, и команда, даже сам купец, мне безоговорочно подчинялась. Я решил держать совет – что можно предпринять, чтобы задержать фрегат в порту. Нам надо выиграть хотя бы сутки.

Поскольку я человек сугубо сухопутный, мне необходимо было выслушать мнение моряков. Еще сидя в тюрьме, я наметил три варианта, как задержать фрегат. Первый – взорвать крьют-камеру, где хранится порох для орудий. Но для этого надо было проникнуть на фрегат, что уже непросто – к тому же у артиллерийских погребов наверняка стоит вооруженная охрана. Этот план отбросили сразу. Вторым вариантом было привязать под водой канатом перо руля к кнехту на пирсе. На мой взгляд, вариант был хорош, но моряки его отвергли – фрегат, как и любое парусное судно, отходит от стенки медленно, инерция судна мала, руль вряд ли сломается – балка очень толстая, к тому же из дуба. Канат просто перерубят, это вызовет задержку всего на несколько минут. Такой вариант тоже не прошел.

У меня оставалась последняя надежда – я предложил набрать пороха в бочку, на плаву подвести ее под руль и взорвать. Порох для двух маленьких пушечек был, бочки на причале – тоже, дело оставалось за запалом. Не так-то просто его поджечь, находясь в воде – спичек или зажигалок ведь не было. Вдруг мелькнула мысль – а пистолет? Ведь его замок при выстреле высекает снап искр. Если пистолеты разрядить, высыпав из ствола порох, и просто щелкнуть курком, как бы вхолостую, можно поджечь запал.

Все это я изложил своим товарищам по несчастью. После некоторого молчания и раздумья план был признан реальным. Я взялся разряжать пистолеты, решив один оставить себе, второй отдать другому человеку. Федор отказался сразу – плавать не умел. Онуфрий молча кивнул головой. Купец и Федор ушли за бочкой с порохом.

Теперь надо было сделать запалы, на всякий случай два – не ровен час, один намокнет в воде. Я скатал трубочки из бумаги, туго набил их порохом, который высыпал из пистолетных стволов. Получилось что-то вроде китайских шутих.

Мы с Онуфрием обговорили, что и кто делает, я показал, что надо сделать, если я по каким-либо причинам не смогу поджечь фитиль. Федор с Григорием принесли бочонок с порохом, мы аккуратно проковыряли небольшую дырочку с торца, заткнув ее деревянной пробкой. Запалы замотали в кусочки кожи, положили себе на головы и натянули шапки – хоть какая-то защита от воды. За пояс сунули по пистолету и обмотались веревками. Федор с Григорием подтащили к борту бочку, мы с Онуфрием по веревочному трапу тихонько опустили в воду, чтобы не было всплеска, и нам на веревке опустили бочку.

Вода сразу обожгла холодом – кажется, тепло из тела ушло мгновенно. Мы с Онуфрием, подталкивая бочку с порохом, поплыли к фрегату.

Освещение на пирсе было очень слабым, кое-где горели факелы, да у трапа стояли часовые, рядом с которыми горел огонь. Корма фрегата оставалась в темноте – то, что нам нужно! Молча подплыли, кое-как отмотали веревки с поясов и принайтовали бочку к перу руля с кормовой стороны. Бочка оказалась наполовину в воде – если повезет, взрыв может не только оторвать руль, но и повредить обшивку на корме. Это было бы сверх программы – тогда шведам будет не до погони, придется спасать свой фрегат.

Мы сняли шапки и, стуча зубами от холода, достали запалы, воткнули в отверстие бочки. Когда я делал запалы для самодельных бомбочек при коломенской схватке, горели они около восьми секунд, сейчас запалы были в два раза длиннее, но сколько они будут гореть – неизвестно. Если секунд пятнадцать-двадцать, то доплыть до своей шхуны мы не успеем – нас просто оглушит взрывом и выбросит на берег, как рыбу.

Я прошептал Онуфрию:

– Как только подожжем фитили, выбираемся на пирс – и бегом к шхуне!

Онуфрий не понял:

– А часовые? Панику же поднимут!

– Да и черт с ними, все равно взрыв будет и паники хватит и без нас.

Мы вытащили пистолеты и, поднеся замки к запалам, спустили курки.

У Онуфрия это получилось удачней, его запал сразу задымил, а мне пришлось щелкнуть курком еще раз. Вот и мой запал задымился, мы как можно быстрее доплыли до пирса и по деревянным перекладинам, как по лестнице, взобрались на пирс. Дружно, как спортсмены на старте, рванули к шхуне – только пятки застучали по доскам.

Часовые не сразу поняли, в чем дело, начали кричать по-шведски что-то угрожающее. Мы, не обращая внимания на крики, летели к своему судну. Трап наши уже убрали, команда сидела на веслах, ожидая нашего возвращения. С разбегу, оттолкнувшись от причала, мы прыгнули, зацепившись руками за борта. Нас моментально подхватили чьи-то сильные руки и втянули на палубу. Капитан крикнул:

– Взяли!

Весла правого борта дружно оттолкнулись от причала, мы стали отходить от причальной стенки. Сердце в груди после сумасшедшего бега оглушительно стучало, с одежды текли потоки воды.

Никого не надо было подгонять – гребцы работали как на гонках, с каждым мгновением и взмахом весел удаляя нас от причала. По причалу в нашу сторону бежал часовой, на ходу срывая с плеча мушкет.

И в это время раздался взрыв. Под кормой фрегата гулко ухнуло, поднялся столб воды, корабль подбросило, и он ударился кормой о причал.

Факелы потухли, и в кромешной темноте было слышно, как вода с ревом врывается в утробу судна. Слышались крики раненых, поднялась паника. Теперь можно было не бояться преследования. Правда, во время взрыва нас тоже хорошо потрянуло, положив на левый борт, однако шхуна быстро выпрямилась, и купец распорядился поднять паруса.

С суши дул ветер, и мы быстро удалялись от негостеприимного берега, радуясь удачному побегу. На причале зажглись факелы, были видны бегающие люди. В нашу сторону из береговой крепости раздалось несколько пушечных выстрелов, но нас укрывала темнота.

Я отправился в свою каюту, надо было переодеться в сухую одежду. Когда я вышел из каюты, купец открывал на палубе бочонок с вином, рядом стояла вся команда, лишь один рулевой с тоской поглядывал в нашу сторону. Выбили дно бочонка, здоровенным ковшом зачерпнули вина, что купец вез в Новгород на продажу, и протянули мне.

– Пей, лекарь! Сегодня ты герой и освободитель – славься!

Ко мне поближе из круга команды вытолкнули Федора и Онуфрия.

– Налить им по полной за освобождение!

Далее ковш с вином обошел всю команду. Люди были возбуждены, радость свободы била им в головы, заставляя терять осторожность.

Я подошел к купцу.

– Выдели человек пять из команды, пусть не пьют. Впереди полночи хода в шведских водах – если нас поймут, повесят на реях как врагов.

Купец лишь отмахнулся.

Тогда я взял под руки Федора и Онуфрия, отвел их к борту.

– Ребята, не пейте больше, трезвый – один рулевой, мы в чужих водах, случится чего – все сгинем!

Мужики переглянулись. И выпить с товарищами им явно хотелось, и меня слушать жизнь заставила: ведь пока все, что я делал, было правильным.

– Хорошо, пить больше не будем, пока в свои воды не войдем.

Остаток ночи прошел относительно спокойно – относительно, потому что почти вся команда напилась. Раздавались пьяные песни, шум. Федор с Онуфрием стояли один на носу, другой – на корме, вглядываясь в ночное море. Поскольку купец был тоже пьян, шхуну управлял один только рулевой. Куда мы плыли, я понятия не имел, поскольку не обладал штурманскими навыками.

Небо начало сереть, стали видны белые барашки волн, низкие хмурые тучи. Ко мне подбежал Федор.

– На горизонте за кормой паруса, как бы не за нами погоня!

Команда лежала на палубе пьяная в дым. Что же делать? Я не знал, где мы находимся, далеко ли до наших берегов, есть ли подводные рифы и отмели, и еще неизвестно, то ли случайный попутчик сзади, то ли погоня.

– Вот что, Федор, бери Онуфрия и будите купца. Что хотите делайте, но приведите его в порядок.

Хлопцы убежали исполнять, а я пошел на корму, посмотреть, что там за паруса. Паруса действительно виднелись, причем уже не на горизонте, а ближе, так что можно было разглядеть, что мачты две. Но вот что это за судно и чье, понять пока было нельзя.

Я пошел к купцу. Федор с Онуфрием терли ему уши, били по щекам, но тот лишь мычал что-то нечленораздельное и мотал головой.

– Вот что, парни, обвяжите его веревкой и бросайте с корабля – глядишь, в воде быстрее очухается.

Федор с Онуфрием переглянулись, но перечить не стали. Нашли веревку, коих на корабле было множество, обвязали ею купца вокруг груди несколько раз и, стянув с Григория сапоги, бросили его за борт. Мы встали у борта и смотрели – не хватало еще, чтобы он там захлебнулся.

Однако, как старый морской волк, почуяв, что он в воде, Григорий стал молотить по воде руками и вертеть головой, пытаюсь понять, где он и что с ним. Поскольку вода была холодной, минут через пять-десять пришел в чувство, стал кричать, чтобы его вытащили, а мерзавцев, что бросили его в воду, он сам утопит.

Не обращая внимания на крики и ругательства, я выждал еще минут десять и, когда купец уже посинел от холода и стал клацать зубами, приказал его вытащить. Потоки воды стекали на палубу с дрожащего от холода Григория, я распорядился его переодеть в сухое и привести ко мне на корму. Сам побежал к рулевому, посмотрел на приближающиеся паруса. Что-то больно ходко идет, не похоже на торговца, те медлительны, поскольку всегда нагружены. Так резво могут ходить только военные суда или разбойники. Ни то, ни другое ничего хорошего нам не сулили.

Наконец на корме появился Григорий – вид его был ужасен – отечное лицо с разбитыми шведами губами, мутные глаза, изо рта убойный запах перегара. Сразу, с ходу он начал громко ругаться, крича, что ему испортили празднование освобождения, а теперь у него болит голова. Я решил не церемониться и, схватив его за голову, повернул к парусам:

– Шведов видишь?

Лицо его вмиг посерело. Шведы – верная смерть на виселице, мы ведь их фрегат повредили, а может, и утопили. Взгляд купца стал осмысленным – видно, дошло, что дела нешуточные. Он обернулся к рулевому:

– Каким курсом и сколько времени идем?

Тот ответил:

– Да часов шесть, – и назвал курс.

Купец свесился с борта. Я грешным делом подумал, что его мутит после выпивки, но он лишь долго вглядывался в воду и затем наконец сказал:

– Вода мутная, река близко.

Бросил Федору:

– Поднимайте с Онуфрием команду, ноги уносить надо.

Вот, прости господи, артист – сам команду спаивал, а сегодня попробуй их подними! Удалось растолкать трех человек, но большого проку в том не было: покачиваясь, они с бессмысленными взглядами бродили по палубе, держась за борта, ванты, мачту.

Купец встал на корме и стал отдавать распоряжения, а я пошел посмотреть пушки. Их было две – на носу и на корме. Калибр невелик, от пиратов было бы подспорье, но если нас догоняет военный корабль, делать с этими недомерками нечего. Я проверил – заряжены ли пушки, подтащил поближе банник, ядра, бочонок с порохом.

Вдруг корабль резко повернул влево, парус захлопал на ветру.

– Ты что делаешь? – подбежал я к Григорию.

– Здесь недалеко островки есть, туда надо, если судно военное, да о двух мачтах, стало быть, осадка большая, поостережется близко подходить – на мель может сесть, а мы меж островов покрутимся – глядишь, и сорвемся с крючка.

Ну что ж, купцу виднее, плавал здесь часто, должен знать особенности – отмели, течения, острова. Я с беспокойством обернулся – судно еще более приблизилось и, хотя было далеко, уже можно было понять, что оно военное. Теперь все решало время: или они нас догонят и потопят, или мы успеем дойти до островов. После нашего поворота преследователи повторили наш маневр – стало быть, эти по нашу душу.

На шхуне Григория стояли все паруса, ветер был попутный, но все равно мы двигались слишком медленно, чтобы сохранить дистанцию. По моим прикидкам, часа через два-три нас догонят. Вдали, несколько правее курса показалась земля, все-таки хоть и пьян был Григорий, ошибся самую малость. Я начал с Федором и Онуфрием по очереди будить матросов: мы лили на них забортную холодную воду, выкручивали уши, пытались поставить на ноги. Наши попытки привели к небольшому успеху – еще два зомби бродили по палубе. А ведь когда мы подойдем к островам, придется маневрировать, а то и идти под веслами, нужна команда. Но выбирать не приходилось, кажется, Григорий и сам каялся, что напоил на радостях команду. Я видел, какие опасливые взгляды он бросал через плечо, стоя у штурвала. Преследующее судно медленно, но неуклонно приближалось, до него оставалось мили три-четыре. Ветер неожиданно стих, паруса бессильно повисли, до островов было всего каких-то триста-четыреста метров.

Купец заметался по корме, ища выход. Преследователь тоже встал, затем медленно повернулся к нам боком. Судно было небольшим, о двух мачтах, по борту в один ряд шли орудийные порты, я насчитал их двенадцать, вот они открылись, две пушки выстрелили, корабль окутался дымом. Расстояние было слишком велико, я спокойно стоял у борта и смотрел. Ядра со звучным шлепком упали с недолетом примерно триста метров. Или капитан слишком зол на нас, или решил продемонстрировать силу и решимость.

Часа два мы стояли неподвижно – ветра не было, а чтобы двигаться под веслами, людей недостаточно. Судно же противника – по-моему, это была бригантина, но я в этом слабо разбирался – вообще не было приспособлено к движению под веслами.

На бригантине стало заметно какое-то шевеление, и мы увидели, как спускают две шлюпки, в которые по трапам устремились вооруженные матросы. Видимо, решили – поскольку судно наше небольшое и торговое, людей на нем мало, вооружения наверняка нет – захватить его абордажем со шлюпок.

Шлюпки отвалили от бригантины и направились в нашу сторону. На корме бригантины проблескивало стеклышко – вероятно, капитан осматривал предстоящее поле боя в подзорную трубу. Я подошел к Григорию.

– Кто у вас в команде канонир?

Григорий лишь махнул рукой.

– Пьяные они все, толку не будет.

Подошел к Федору с Онуфрием.

– Ребята, кто-нибудь с пушкой обращаться умеет?

– Видели, а сами не пробовали.

Опять придется все делать самому! Взяв с собой обоих, я повел их к носовой пушечке.

– Сейчас я выстрелю. Как буду заряжать, смотрите внимательно. Один будет у носового орудия, другой у кормового. Ваше дело заряжать, стрелять я буду сам, тут навык нужен.

Оба согласно закивали. Подождав, когда шлюпки подойдут поближе, я прицелился, поднес к затравочному отверстию фитиль. Ба-бах! Пушка окуталась дымом. Недолет! Я медленно, показывая пример моим сотоварищам, прочистил ствол, насыпал пороха, забил пыж, затолкал ядро.

– Все ли понятно?

Оба согласно закивали. Я поправил прицел, бросил Онуфрию:

– Зажигай!

Снова грянул выстрел. Почти хорошо, ядро упало рядом со шлюпкой, здорово ее качнув. Мы с Федором бросились к кормовой пушке. Навожу, выстрел!

Пока Федор начал перезаряжать, я поспешил на нос. Онуфрий уже зарядил орудие и ждал меня. Я взглянул на цель. На месте была только одна шлюпка, от второй остались только щепки и плавали крупные обломки, рядом в воде барахтались матросы.

После выстрела, окутанный пороховым дымом, я не посмотрел на результат попадания, поскольку побежал на нос. Вторая шлюпка подбирала матросов, медленно кружась на месте гибели первой шлюпки. Это хорошо – в стоячую или медленно движущуюся цель попасть легче.

Я старательно навел пушечку, поджег порох в запальном отверстии. Выстрел! Онуфрий бросился заряжать, а я задержался, чтобы оценить точность попадания. Ядро ударило в нос шлюпки, оторвав несколько досок. По-моему, им теперь будет не до нас.

Точно! Шлюпка развернулась и, бросив барахтающихся в воде товарищей, рванула к судну. Ход ее был тяжел – видимо, в шлюпку поступала вода. Не доплыв до бригантины метров сто, она накренилась и медленно перевернулась, рядом были видны матросы, которые плыли к судну. Так, отлично! Мы не потеряли ни одного человека, тогда как противник лишился двух шлюпок и около десятка членов команды.

Выглянуло солнце, ярко заблестела вода. Купец схватил в руки астрольбию, пытаюсь определить наше местоположение.

– Да, далековато еще до родных берегов, – пробормотал он.

На палубе начали шевелиться матросы – видно, грохот пушек все-таки заставил их пробудиться.

Мы простояли еще около часа, когда я увидел, что с бригантины спускают еще две шлюпки. Неужели капитан такой дуболом и снова пошлет шлюпки на наш захват?

Но зря я так подумал о капитане – обе шлюпки встали впереди бригантины, завели буксирные концы и стали грести. Бригантина медленно двинулась в нашу сторону. Чертов швед, я разгадал его замысел! Стоит подтащить бригантину к нам поближе метров на двести, как более мощные орудия шведов спокойно нас расстреляют, пустив ко дну, а мы ничего не сможем противопоставить – мал калибр наших пушечек, дальнобойность не та.

Я побежал к Григорию, хотел пояснить опасность ситуации, но тот меня оборвал:

– Сам уже понял!

Посоветовавшись с Григорием, решили бить врага его же оружием. Спустили одну из двух имеющихся у нас шлюпок, куда сели те, кто мог грести, взяв судно на буксир, стали тянуть его к островам.

Людей на шлюпке набралось всего восемь человек, но и противнику не легче – их судно значительно больше и тяжелее, матросы быстро выдохнутся.

Пот тек с нас ручьями, похмелье быстро оставляло тяжело работающих матросов. Грести в полную силу на шлюпке, буксируя шхуну, – нелегкая работа. Мы медленно приближались к проливу между двух островов, намереваясь встать именно там, чтобы оставить за собой свободу маневра.

Фу, наконец-то дотянули! Я оглянулся назад – бригантину медленно тащила за нами, сильно отстав. Теперь надо было подождать, с какой стороны острова покажется их судно.

Вода у островов была мутная, купец бросил за борт грузило с веревкой, на которой узлами были отмечены сажени. Вытащив, довольно ухмыльнулся:

– Под днищем у нас всего сажень, здесь бригантину уже вряд ли пройдет. Скорее всего, встанет перед островами, станет палить из пушек, а наше дело – шлюпкой утащить шхуну в сторону, прикрываясь островом, как щитом.

Вот в проливе показались шлюпки, буксирующие за собой бригантину. С носа судна свесился матрос, промерял глубину, вот он дал отмашку, на шлюпках перестали грести, гребцы в изнеможении побросали весла. Были видны их мокрые от пота голые спины. С бригантин прокричали, шлюпки пошли к корме. Так, сообразил я, сейчас будут разворачивать бригантину боком, чтобы открыть огонь.

– Григорий! Уводить за остров шхуну надо быстрее!

Но тот уже распорядился. Гребцы, немного отдохнувшие во время остановки, налегли на весла, и мы отошли метров на двести, вплотную прижавшись к острову, килем почти касаясь дна. Громыкнули пушки бригантин, ядра

пошлепались довольно далеко от нас. Капитан стрелял вслепую, но кто знает, что он выкинет дальше? Капитан оказался настойчивым, через некоторое время из-за острова показалась шлюпка. Увидев нас, они сразу остановились и стали семафорить на бригантину. Оказались они вне досягаемости наших пушечек.

Раздался залп пушек бригантини. Ядра легли далеко, но значительно ближе, чем в первый раз. Так дело не пойдет. Я быстро сбегал в каюту за своим штуцером (бил он раза в полтора-два дальше наших пушечек), зарядил, оперся стволом на борт. Не догадываясь о подвохе, один из матросов встал в шлюпке в полный рост – тут я его и снял первым же выстрелом. Команда на судне восторженно взревела.

Перезарядился, стал выжидать. Вот еще один матрос поднялся, лежа в шлюпке семафорить не будешь. Выстрел – готов! В шлюпке притаились. Если первый выстрел можно было считать случайностью, то второй привел их в замешательство. Пушки бригантини громыхнули еще раз. Ядра легли рядом, а одно зацепило борт – аж щепки полетели. Григорий побежал на нос, но гребцы в шлюпке, и сами увидев, к чему привела стрельба с бригантини, налегли на весла, пытаясь увести нас от обстрела. Напоследок, пока шлюпка противника была еще видна, я выстрелил по неосторожно высунувшемуся матросу. Но вот шхуна отошла с прежнего места, чтобы нас обстрелять – теперь ей уже вряд ли хватило бы дальноточности, да и шлюпке противника выскочить я бы не дал.

– Григорий, может, шлюпкой протянем шхуну вокруг острова, зайдем к ним с кормы, попробуем обстрелять из пушек. Ежели повезет, повредим руль или мачту, иначе они от нас не отцепятся.

– Давай попробуем. Сам вижу, что другого выхода нет, тем более что все пьяницы уже на ногах.

Увлеченный стрельбой, я и не обратил внимания, что на палубе больше нет валяющихся пьяных тел.

Шлюпка подошла к нашему борту, гребцы поменялись. Нас, прижимая, потащили вокруг острова. Поскольку островок был невелик, за час-полтора удалось его обогнуть.

Мы увидели, что возле бригантины со стороны кормы стоят две шлюпки врага, пытаюсь оттянуть ее назад. То ли капитан бригантины почуял опасность, то ли придумал новую пакость. Мы заходили со стороны кормы, где пушек у противника не было. Мушкетного огня я пока не опасался: штуцеры у них вряд ли были, а мушкет хорош для близкого боя. На бригантине нас уже увидели: команда забегала, капитан кричал на шлюпки, пытаюсь развернуть судно бортом к нам, чтобы можно было открыть огонь.

Я бросился на нос шхуны и как можно быстрее стал стрелять из штуцера по гребцам в шлюпке, убил несколько матросов. Оставшиеся в живых залегли в шлюпки, не высывая носа, хотя капитан с бригантины посылал им громогласные проклятия. Я тщательно прицелился по капитану, выстрелил, успел увидеть, как он схватился за руку, и его тут же оттащили от борта.

Мы уже приблизились на расстояние залпа. Медлить я не стал: вдруг им удастся повернуть корабль – тогда нам крышка. Одного залпа из двенадцати орудий хватит, чтобы пустить нас на дно. Прицелился, выстрелил из пушки. Маленький недолет, но изменить прицел нельзя, и так уже на пределе дальности. Кричу гребцам в шлюпку:

– Подтяните еще чуть-чуть!

Шхуна медленно двинулась вперед. Мы с Онуфрием поспешно перезаряжали пушку, кормовой воспользоваться нельзя, оставалось действовать быстро. Прицелились, выстрел. Ядро, прошелестев, шлепнулась в воду рядом с вражеской шлюпкой, опрокинув ее; опять перезаряжаем, тщательно прицеливаюсь. В парус бригантины стрелять бесполезно – ядра наши слишком малы, чтобы проделать серьезную дыру, надо попасть в руль или в мачту. Утопить не сможем, но лишим хода, а нам больше и не надо: дождемся ветра – и поминай, как звали.

Выстрел – на этот раз удачно, прямо в баллер руля, аж щепки полетели. Снова перезаряжаемся, выстрел. Мимо. Мачта – слишком тонкая цель. Еще раз повторяем, опять мимо, но поскольку ядро уже было на излете, прошло низко над палубой, сметая на своем пути людей и ломая оснастку. Еще раз стреляю и на этот раз удачно, хотя я целил в одну мачту, но переломилась другая, ведь стояли они друг за другом. Мачта сначала накренилась, затем с шумом упала в воду, обрывая ванты. Команда шхуны завопила от радости, а на бригантине раздались яростные вопли.

Вот теперь мы тоже их обездвижили на какое-то время, им даже ветер не поможет. Но сбрасывать со счетов бригантину не стоит – парус цел и пушки наверняка заряжены, стоит нам немного отойти от их кормы в сторону, как нам могут вклеить ядра в борт.

Я еще пару раз выстрелил из пушки по палубе бригантини, пытаюсь доставить им побольше повреждений, потом улегся на носу со штуцером. Поскольку невооруженным глазом с такого расстояния можно было отличить по одежде простого матроса от офицера, я решил немного проредить офицерские ряды, утихомирив и загнав команду в трюм. Ишь, разбегались по палубе – пытаются под командой офицеров что-то исправить.

Выстрелил четыре раза, ранив или убив троих – один раз промахнулся. Суета на палубе стихла. Так-то лучше будет.

Я обратился к Григорию:

– Смотри, чтобы нас течением не снесло в сторону, как раз попадем под пушки бригантини. Пусть гребцы в шлюпке не спят. Поднимется ветер – поднимем паруса и отойдем подальше, но точно за кормой бригантини.

Григорий согласился. Вообще, с момента захвата нас шведским фрегатом Григорий как-то сник и переложил всю инициативу по нашему вызволению на меня. Конечно, мне было бы проще быть под началом опытного, активного капитана, чем брать все на себя: я же не морской волк, многих морских дел не знаю. Но что получилось, то получилось.

Ближе к вечеру поднялся легкий ветерок, на шлюпке встрепенулись, развернули нас кормой к бригантине, мы взяли шлюпку на буксир и подняли паруса. На прощание я угостил ядром из кормового орудия застывшую бригантину, угодив в кормовую надстройку, аж щепки полетели.

Мы еле-еле плелись под слегка надутым парусом и, лишь отойдя на значительное расстояние от бригантини, подняли шлюпку с гребцами на борт. К ночи ветер окреп, паруса надулись, мачты скрипели от напряжения, вода шипела под форштевнем, ход наш стал замечательно хорош. Мы резво шли к себе домой.

Глава 2

Дальнейший путь прошел спокойно, лишь на рубежной заставе служивые поупирались: не было судовых документов и у меня – подорожной, все осталось у шведов. Когда мы объяснили десятнику, как попали в такую ситуацию, да подкрепили слова маленькой толикой серебра, нас пропустили.

Ну, здравствуй, Россия!

По Неве, через Ладожское озеро, по Волхову дошли до Господина Великого Новгорода. Здесь наши пути с Григорием разошлись, денег он с меня за перевоз не взял, сам поклонился в ноги:

– Кабы не ты, Юрий Григорьевич, быть бы нам в полоне у свеев, да судно с товаром бы отобрали, благодарю от всего сердца. Увидишь где меня али судно мое, знай – всегда найдешь помощь, должник я твой отныне.

Мы обнялись. Федор и Онуфрий снесли мои вещи на причал. Григорий самолично обошел суда у новгородского причала – не возьмет ли кто попутчика до Москвы. Такое суденышко нашлось, и вещи мои скоро перенесли на него. Кораблик был невелик – чисто речная посуда, намного меньше шхуны Григория, каюты там не было. Вещи сложили в трюм, я расположился на палубе под натянутым холстом.

Переволоком до Волги – и вот она, Москва. Мы вошли в столицу с севера, меня высадили, и на извозчике я добрался до своего уже такого родного Петроверигского переулкa, вот и знакомые ворота. Выгрузив вещи, я ворвался во двор. Ко мне навстречу уже шел Иван – один из охранников команды Сидора. Он поклонился, подхватил вещи и сопроводил меня до дома. Распахнулась дверь, из дома выбежала Анастасия, повисла на шее, начала целовать. На шум из дома выскочил Мишенька, тоже бросился меня обнимать. Паренек изрядно подрос, пока меня не было. Радостно обнимаясь, прошли в дом. Забегала челядь, на кухне загремела посуда. Настя убежала на кухню отдать распоряжения, а я пошел во двор, распорядился истопить баньку. Самое милое дело – помыться с дороги в баньке с душистым квасом. Однако протопится она нескоро, часа через три. В это время можно и перекусить. Подъехал на возке Сидор, бросился

обнимать – он объезжал мои предприятия, проверял.

– Все в порядке, хозяин, все работает, можешь не волноваться.

Слава богу, одной тревогой на душе меньше. Потихоньку вокруг меня собирались мои работники, поздравляли с приездом. Поскольку подарков я никому не привез, щедро раздал серебро – пусть каждый себе купит подарок по вкусу. Настенька с крыльца позвала отобедать, мы с Сидором поднялись в дом, уселись за стол, поесть толком и не дали – расскажи, как съездилось, что видал. Как мог подробнее я рассказал о Франции, описал короля, его дворец, лечение наследника... Все слушали, открыв рты, засыпая меня вопросами. О пленении шведами и побеге из тюрьмы я благоразумно умолчал.

Все-таки пообедать удалось, хотя обед значительно растянулся, к тому времени согрелась банька, позвали мыться. Пошли вдвоем с Сидором, он знатно веничком обхаживает. В баньке было хорошо натоплено, я начал потеть уже в предбаннике. В парной Сидор плеснул на раскаленные камни кваску: зашипело, и нас обдало раскаленным парком с хлебным духом. Я расположился на полке, Сидор начал потихоньку водить дубовым веничком надо мной, слегка пошлепывая по спине, затем полил водичкой, прошелся банной рукавичкой. Веник бил все сильнее и сильнее, пока я не взмолился:

– Хватит, Сидор! Шведы не погубили, так ты жизни лишишь!

Сидор окатил меня водой, и мы вышли передохнуть.

– Ну, хозяин, что там у тебя со шведами случилось, я же понял за столом, что ты не все рассказал.

Я знал, что через Сидора ничего лишнего никто не узнает, пересказал ему всю нашу эпопею с пленением, побегом из тюрьмы и боем с преследователями. Сидор внимательно выслушал, одобрил все мои действия:

– Я же говорил, тебе надо воеводой быть, а ты в лекари подался.

По этому поводу надо пивка попить, с ледника принесли жбан. Мы выпили холодного свежего пива и снова пошли париться. Теперь я поохаживал Сидора

веником, но он оказался крепче и все приговаривал:

- Поддай жару, бей сильнее!

Наконец мы устали. Тела стали красными, от щек можно было прикуривать. Снова посидели в предбаннике, остыли, попили пива. Неожиданно я захмелел – видно, сказалась дорожная усталость, а дома накатило расслабление. Где бы я ни был, как бы хорошо меня ни встречали, но дома лучше всего – даже воздух другой. В спальне с Анастасией я спокойно полежал, пока она пересказывала все домашние новости, а затем мы занялись камасутрой.

Проснулся я уже почти в полдень. Челядь и домашние ходили на цыпочках, разговаривали шепотом. Хорошо дома – только тот, кто уезжал надолго, может это оценить! Перекусил вдвоем с Анастасией, она не сводила с меня восторженно сияющих глаз, все время болтала о мелких домашних делах. После обеда решил посетить на возке с Потапом все мои заведения.

На удивление, все шло налаженным ходом, моего вмешательства не требовалось. На следующий день решил с Настенькой и Мишенькой выехать в город, развеяться, посетить торг, прикупить подарки. Долго мы ходили по торгу, я выбрал Настеньке дорогое платье по французской моде, что видел в Париже. Настя сначала отговаривала от дорогой покупки, но по ее глазам и зарумянившимся щекам я догадался, что подарок пришелся ей по вкусу.

Мише выбрали у оружейника небольшой нож в богато украшенных ножнах. Здесь это не оружие, а приспособление – отрезать ломоть мяса на столе, какие-то другие мелкие надобности; для серьезных дел ножи в ходу были другие – с толстым обухом, длинным лезвием, мощной рукояткой, в простых и прочных ножнах. Миша всю обратную дорогу радостно вертел нож в руках.

Вечером после ужина я отправился в свой кабинет. Надо было поразмышлять, куда пристроить деньги, полученные от французского короля. Сумма в сто золотых ливров была солидной, и вложить ее требовалось с умом. Никто из домашних мне не мешал. Даже Настя не заходила в кабинет: она знала, что если я там сижу, трогать и отвлекать меня не надо – я занят серьезным делом. Мысли были – купить готовое или построить свое серьезное производство. Вопрос, какое... Мебельное – так здесь делают мебель из деревянного массива сами, с привозной мебелью из Италии или из Франции мне не потягаться; корабельную –

так я в кораблях и их строительстве ничего не понимаю, может попробовать железообработку? Станков хороших нет, те, что есть – немецкие да английские – примитивны и дороги. Я долго перебирал в уме различные производства, но никак не мог найти верное решение. Решил съездить к Федору, дьяку разбойного приказа, может он что присоветует. Собрался, сел в возок и поехал, наслаждаясь теплыми еще осенними деньками.

Федор оказался на месте, стража без вопросов пропустила, меня уже хорошо знали. Дьяк был слегка пьян и весел.

– Заходи, гость дорогой! Давно я тебя не видел, слышал, ты во Францию путешествовал, с королем встречался?

– Было дело, Федя, из-за того и к тебе приехал, вопрос один обдумать надо.

Я вытащил из сумки бутылку водки, поставил на стол. Федор пить не стал, хотя водке обрадовался, припрятал бутылку.

– Расскажи для начала, как съездил?

Я вкратце пересказал свою французскую поездку, не забыл упомянуть шведский плен и побег.

Федор почмокал губами:

– То, что убег-то, хорошо – иначе и следов от тебя не осталось бы, но плохо, что подорожная осталась у них. Как бы жалоб от свеев не было... Так об чем помозговать хотел?

– Хочу я, Федя, дело какое серьезное наладить – готовое ли прикупить, свое ли открыть, не присоветуешь ли чего хорошего?

Федор не думал ни секунды.

– Есть хорошее дело – мы сейчас этим занимаемся. В трактире на Моховой по пьяному делу убили заводчика Деревянкина, у него хорошее дело – ткацкая фабрика. Осталась вдова с детьми, фабрику продавать, наверное, будет. Посети,

поговори – может, что у вас и сладится.

– Федор, я же никогда тканями не занимался, понятия не имею, как это делается, да и сбывать как?

– О-хо-хо, вроде ты и мужик хваткий, да видно, не во всем. Оставишь старого управляющего на первых порах, сам в дело вникнешь постепенно, а со сбытом... Государь новую одежду для войска закупать будет, так ты подсуетись – узнай, какая ткань будет нужна, цвет, а ежели и пошить возьмешься – так совсем хорошо будет.

Я посидел, переваривая услышанное, обдумывал со всех сторон. А что, пожалуй, стоит попробовать!

– Где живет вдова?

– Если ты на возке, давай покажу.

Ехать было далековато – на другой конец Москвы. На мощеной улице стояли крепкие дома: видно было, что жили там небедные люди. На стук в ворота вышел угрюмый дядька, пробурчал, что хозяина нет и не будет.

– Да мы к вдове.

Холоп отступил в сторону, и мы прошли в дом. Убитая горем хозяйка усадила нас на лавку, поднесла по ковшу пива по обычаю. Разговор начал Федор:

– Злодейство мы в разбойном приказе ведем, убивца сыщем, но сейчас приехали по другому делу: не хочешь ли фабрику ткацкую уважаемому человеку продать, сама-то вряд ли сможешь с нею управиться.

– Сама не знаю, что делать, можно и продать.

Мы съездили, осмотрели фабрику. Стояла она довольно далеко от центра, но недалеко от Москвы-реки. Здание было бревенчатым, крепким, довольно длинным, внутри рядами стояли ткацкие станки, где женщины вручную ткали какие-то ткани. Сопровождал и показывал фабрику управляющий – дородный

мужик серьезного вида.

На складе я задержался, он был почти полон.

– Как сбываете ткань?

– Да хозяин распорядился – грузить на суда, и приказчики сдавали купцам в городах.

Ага, все-таки какая-то сбытовая сеть есть! Уже лучше! В целом фабричка мне понравилась, вокруг здания приличный участок земли, была возможность расширить производство или поставить швейную фабрику. Начали договариваться о цене – она оказалась невелика, и мы решили оформлять сделку.

Так я стал владельцем ткацкой фабрики. Сразу договорился с управляющим, что все пока остается по-прежнему, фабрика работает, корабли готовые сукна возят на продажу. Сам тем временем окольными путями стал выяснять, какие ткани нужны для войска: если будет государев заказ, то это выгодно – ткань и красители однотипные, объем большой, сбыт гарантированный. Наконец нашел нужного человека, что за небольшую мзду ознакомил меня с будущими обновлениями для войска. Решив не откладывать дело, я сообщил управляющему ткацкой фабрики, чтобы часть производства перевели на выпуск нужной ткани необходимого цвета. Одновременно на территории фабрики, наняв плотников и привезя лес, начал строить новое большое здание для пошива одежды. Загвоздка стала в пуговицах, не мудрствуя лукаво и вспомнив историю, решил соорудить еще одно небольшое здание, где бы лили пуговицы из олова. Имея формы из такого металла, можно было в день изготовить десятки, если не сотни, одинаковых пуговиц, что и надо было для войска. Теперь оставалось самое сложное – добиться, чтобы заказ дали именно мне. Предварительно пересчитал, сколько ткани и мундиров из нее может изготовить моя фабрика. Получалось не очень много – порядка двадцати готовых мундиров в день. Я не знал только одного – на сколько человек надо было шить. Ну что же, и это узнать можно.

По всей видимости, государь, глядя на служивых людей других стран, решил и свое войско приодеть по образцу Европы. В одинаковые кафтаны, шапки и штаны были одеты лишь стрельцы да охрана Кремля – гвардия, можно сказать. Остальное войско в бою тоже было одето почти одинаково: кольчуги, шлемы,

штаны и сапоги, а вот в мирной жизни княжеские дружины ходили в разномастной одежде.

Долго, несколько недель, я подбирался к нужному мне человеку, боярину Морозову, опять же Федор из разбойного приказа помог, свел. Я привез образец красной ткани и показал один специально сшитый кафтан. Все у меня забрали, решив сообщить свое мнение позже. Через месяц я получил большой заказ и с ним большие деньги.

По Москве уже с месяц ходили разговоры, что с юга к Москве с двадцатитысячным войском подошел гетман Сагайдачный, который встал лагерем в полутора десятках верст от столицы. На помощь ему в сентябре подошел королевич Владислав, который со своим воинством с ходу занял Тушино. С каждым днем обстановка в городе становилась все напряженнее. Тревожные ожидания носились в воздухе, вселяя в души смятение. Я долго раздумывал, отправить или нет свою семью в Рязань. Кто его знает, как повернутся события в Москве – войско слабо, казна пуста. Договорятся ли патриарх или государь с королевичем и гетманом? На всякий случай я распорядился сделать солидные запасы продовольствия – соли, муки, копченого и вяленого мяса, сала. Сам я занялся укреплением дома – поскольку забор был уже недавно заменен, поставил на участке две бревенчатые вышки. Обшил железом изнутри входные двери. На окна кузнец изготовил красивые и прочные решетки. Сидор прикупил на торгу пару бочонков пороха, свинца, несколько мушкетов для челяди. Я все не мог решить – отправить Настю с Мишей и женщинами в Рязань или оставить в Москве. В Рязани вроде по разговорам спокойнее, но путь может оказаться опасным, оставаться в Москве – вдруг казаки и поляки прорвутся в город? Наверняка будут грабежи и резня. Князья, дворяне, богатые купцы потихоньку вывозили свои семьи, в основном в сторону Муром, Владимира, Костромы.

По моему распоряжению Сидор отобрал в свою команду еще десять человек, все бывшие воины из различных княжеских дружин, ушедшие кто по ранениям, кто по возрасту. Лишними ребята не будут – отпадет потребность в обороне дома, будут заниматься охраной ткацкой фабрики, водочного заводика. Теперь каждый день дом охраняли четыре человека, не считая Сидора и Ивана. Двое были на вышках, один – у парадных, один – у задних ворот. Все хорошо вооружены – сабли, мушкеты, на всех кольчуги. Бывшие воины службу знали, всегда трезвые и настороже.

Напряжение нарастало. На торгу скупались в первую очередь продукты, цены росли. Мне казалось, что даже в воздухе висело какое-то предчувствие тревоги, грозы. И вот вечером первого октября по городу пронесся колокольный звон, на улице зашумели. Ко мне примчался один из караульщиков:

– По улице люди бегут, в основном бегут к центру, с южной стороны города. Никак, поляки на приступ пошли, приготовиться надо.

Я вооружил челядь, Сидор расставил людей по заранее намеченным местам, усилив тем самым уже имеющуюся охрану. Мои ружья и пистолеты были заряжены. Семье и слугам я приказал подняться на второй этаж дома, к окнам не подходить, света не зажигать. Сидор и я заняли места на первом этаже, в случае угрозы нападения мы могли быстро подобраться к любой точке, а в случае прорыва на нашу территорию собрать всю охрану и челядь в доме и держать оборону. Дом каменный, поджечь его будет непросто.

Шум на улице вроде как стих; проскакало несколько всадников, и снова наступила тишина. Переулок мой хоть и недалеко от центра, но к северной стороне, да и расположен так, что найти не всегда с первого раза можно. Со стороны Кремля продолжал раздаваться набат – это бил колокол на колокольне Ивана Великого. Видно, и в самом деле противник пошел на приступ. Кое-где стали видны отсветы пожаров. Я решил послать Ивана на разведку – сидеть в неведении было тяжело. Вооружившись саблей, ножом и парой пистолетов, он легко перемахнул через забор и исчез в ночи. Какие-то новости принесет?

Вокруг дома и в переулке пока было спокойно. В середине ночи в начале переулка раздался шум, крики, звон железа. По переулку текла темная масса, кто это, разобрать было невозможно. Вот в ворота начали сначала стучать, затем ломиться, выломав калитку, во двор ворвалась группа вооруженных людей. В темноте было неясно – поляки ли это, казаки Сагайдачного или просто грабители. В отсветах факелов, которые они держали в руках, поблескивало оружие. Ну что же, добро пожаловать, непрошенные гости.

Толпа ринулась к дому, вдруг земля под ними разверзлась и первые две нестройные шеренги провалились в яму с кольями, слышались крики боли, стоны раненных. Неплохо потрудились мои холопы под руководством Сидора, вырыв глубокую – метра три-четыре – яму и установив в ней заостренные колья. Сверху уложили тонкие палки, замаскировали серой тканью, присыпали пылью. С близкого расстояния ее можно было бы различить, только если знать о ней

заранее. Всем домашним я показал ловушку и настоятельно рекомендовал пользоваться только задними воротами. Толпа нападавших замерла в смятении, затем раздались крики ярости и гнева, люди ринулись в обход ямы. Слева и справа они обтекали яму, и никто не попытался помочь свалившимся.

Раздался сильный взрыв, взметнулось пламя. Это сработала моя ловушка-сюрприз по чеченскому образцу: сделав две самодельные бомбочки, привязал их к деревьям, между ними на небольшой высоте натянул проволоку. Группа пытавшихся обойти яму почти вся была уничтожена.

Мы не стали ждать, когда нападавшие прорвутся к дому, и из трех мушкетов, заряженных картечью, дружным залпом ударили в темную массу. Все заволкло пороховым дымом, из темноты раздавались крики боли и отчаяния. Перезаряжая мушкеты, мы вслушивались, не происходит ли чего подозрительного вокруг дома. Тишина. Взяв в руки по пистолету, мы с Сидором покинули дом. Везде валялись трупы убитых и слышалось хриплое дыхание раненых. По моему распоряжению из дома вышли холопы с факелами; оказалось, напали на дом поляки, все в синей униформе, все при саблях, у некоторых мушкеты. Хотели побыстрому ограбить дом, да не получилось. Посчитали: убитых – двадцать два человека, раненых немного – семеро. Холопы без всякой жалости их дорезали, побросав тела в яму с кольями – все равно потом землей засыпать.

В углу участка послышался шорох и раздался знакомый голос:

– Не стреляйте, это я, Иван.

Оказалось, он добрался до центра города, поговорил со стражниками, обежал прилегающие к нашему переулку улицы. Поляки с казаками прорвались до стен Белого города, штурмовали Арбатские ворота, но неудачно, понесли большие потери, разбежались по городу, грабя и убивая. Основная масса отступавших ринулась на юг Москвы, видимо, старались добраться до рек – все-таки естественные преграды оборонять легче.

Небо начало сереть. Я позвал плотников – надо было восстановить разбитую калитку. Остальные холопы засыпали землей яму, которая до половины была заполнена трупами. Сам тем временем прошелся по участку, снял одну растяжку и выкопал одну из заложенных бомб – не дай бог кто из челяди нечаянно наступит. Смерти своих работников я не хотел, лучше ближе к вечеру закопать

бомбу снова.

Сидор снова направил в разведку одного из охранников, надо было узнать, что происходит в городе, к чему готовиться – к бегству, к обороне? Пока разведчик не вернулся, мы решили перекусить и вздремнуть, ночь-то прошла беспокойная и неизвестно, как оно все будет далее, лучше быть отдохнувшими. Удалось поспать часа три: вернулся разведчик, и меня разбудили.

Хлопец радостно доложил:

– Супротивник разбит, наши гнали его аж до Пахры, многих поубивали, многих в полон взяли. У Арбатских ворот мертвыми все завалено, земли не видно. В городе много домов пограблено, кое-где дома сожгли. Жители на улицу носа не кажут, одни собаки бегают.

Так, известия обнадеживающие. Пока все спокойно, решили сварить обед, всех покормить горяченьким, на улицу пока не соваться: как всегда, при всякой заварушке изо всех щелей всякая мерзость выползает – местные воры да бандиты. Городской страже и стрельцам пока не до разбойников – вылавливали небольшие группы поляков и казаков, попрятавшихся в захваченных домах. То здесь, то там раздавались одиночные выстрелы – выражаясь современным языком, шла «зачистка». Попадать под горячую руку стрельцам не стоило: стрельнут с перепугу или обознавшись, и кому что докажешь? К вечеру я предупредил холопов и семью не ходить по участку, совместно с охранником поставил еще две растяжки с бомбами – одну у ворот, другую ближе к дому, снова закопали на дорожке мину. Оружие было заряжено, часть охранников легла отдыхать, другая бодрствовала. Сидор расставил людей на опасных направлениях с наказом – слушать! И при подозрительном шуме сразу сообщить, при этом пробираться к дому осторожно.

Сгустилась темнота. Мы сидели в неосвещенных комнатах, пытаюсь что-либо разглядеть через окна. Однако ночь прошла спокойно. Поутру заявили городские стражники – узнать, нет ли пленных и велики ли наши потери, – соседи сообщили, что вчерашней ночью рядом с нашим домом была стрельба и взрывы. Мы рассказали, как все было, показали засыпанную яму с телами, стражники удовлетворились нашими объяснениями и со своей стороны сообщили, что в городе уже все спокойно, поляки и казаки убиты и рассеяны, банды разбойников частично схвачены, остальные разбежались. По городу можно передвигаться спокойно.

Напряжение схлынуло, я поснимал растяжки и выкопал бомбу, холопы занялись ежедневной работой. Мы же с Сидором сели в возок, правда, на всякий случай вооружившись, и поехали проверить мои предприятия. Особенно меня беспокоил водочный заводик: все-таки спирт – вещество пожароопасное, да и для любых мужиков привлекательное, хоть для поляков, хоть для разбойников. К моему удивлению, водочный заводик был целехонек – и охрана на месте. Бог миловал.

Направились на ткацкую фабрику. Здесь дела обстояли похуже – одного из охранников позапрошлой ночью убили казаки Сагайдачного, второму удалось убежать. Ткацкие станки и помещения были в неприкосновенности, но склад оказался почти пуст – что-то утащили казаки, чем-то, вероятно, поживились жители близлежащих домов. Но и то хорошо, что здание не сожгли да станки целые. Управляющий неприкаянно бродил по пустому цеху – работницы пока боялись выходить на работу. Ладно, что свершилось, то свершилось, убыток имеется, но я был готов и к худшему.

По приезду домой Сидор распорядился направить на ткацкую фабрику двоих охранников. Мои помощники по медицинскому делу трудились не покладая рук – после нападения было много раненых и покалеченных. По некоторым улицам захватчики прошли ураганом, сжигая дома и грабя жителей.

Сопrotивляющихся убивали на месте, да и кто мог им оказать серьезное сопротивление – только в богатых усадьбах, где было много мужиков, да сам хозяин уделял время, внимание и деньги на охрану. Некоторые улицы вообще стояли нетронутые, особенно в северной части города.

Почти каждый день встречались похоронные процессии, хоронили защитников и горожан, трупы захватчиков же сваливали во рвы, закапывали где попало – на пустырях, в выгребных ямах. Город потихоньку приходил в себя, очищался. На месте пожарищ стучали топоры плотников, народ заново отстраивался – осень на дворе, впереди зима, и всем хотелось встретить ее под крышей.

Минувшее нападение выявило недостатки не только в обороне города, но и в защите моего дома. Забор был неплох, но низок: хорошо, что поляки ринулись через ворота и попали в охотничью яму, а будь это казаки, могли бы лезть через забор в разных местах, и остановить их было бы сложнее. Поэтому я решил поставить железный кованый забор высотой в четыре метра. Сломать такую ограду или перелезть через нее будет затруднительно. Конечно, так в Москве в те времена было не принято: заборы стояли глухие бревенчатые или каменные.

Я заказал кузнецу металлические кованые решетки по своим эскизам, а каменщики тем временем делали фундамент и ставили каменные столбы. Хотелось, чтобы это было и прочно, и красиво. Сразу за будущим забором решил посадить акацию и терновник – еще один колючий, но «живой» забор. Заднюю часть двора хотел обнести высоким каменным забором взамен деревянного. На углах крыши дома по моему указанию каменщики надстроили четыре небольших башенки с узкими бойницами, из которых можно было держать под прицелом большую часть двора. Конечно, все это можно было сделать и раньше, но кто мог подумать, что враг может прорваться сюда, в центр Москвы? Дом мой крепостью все-таки не стал, но малые мои перестройки пошли на пользу в плане защищенности. Теперь я знал, что нападение двух-трех десятков человек мы выдержим. На душе стало несколько спокойнее. В принципе, не помешала бы парочка небольших пушечек – да где их здесь взять? Разве что в Тулу съездить!

Пока хлопотал с защитой дома, теплые дни закончились, началось ненастье, почти каждый день лил дождь, по утрам в низинах стелились туманы, на улице было зябко. Хорошо в это время сидеть в теплом доме, в кругу домочадцев. Но видно не судьба. В один из слякотных вечеров в кабинет вошел охранник и сказал, что у ворот стоит возок, весь в грязи, в нем купец, просит его принять. Можно ли впустить?

– Зови!

Через несколько минут в дом вошел, отряхиваясь от дождевых капель, дородный купец в шерстяном плаще с меховой поддевкой, в добротных сапогах, низко поклонился, осведомился – правильно он попал к лекарю Кожину? Я подтвердил, что он попал по адресу, слуги приняли шапку и плащ, и мы прошли в трапезную. Нам принесли горячего чая, баранки, немудреную закуску и водки. На Руси серьезный разговор никогда не начинался сразу, требовалось поговорить на темы здоровья родни, о погоде, о видах на урожай и только потом переходили к главному. Купец представился – Алтуфий Демидов, купец первой гильдии из Нижнего. Мы уселись в кресла вокруг стола, в камине уютно трещали дрова, распространяя тепло. Выпили водки за знакомство: я видел, что гость замерз и стопочка ему не повредит. Купец выпил, крикнул, закусил солеными огурцами и одобрил:

– Хорошо хлебное вино, это где же в Москве такое творят?

Я скромничать не стал, пояснил, что это водка с моего заводика.

– Хороша!

Разлили по второй, купец с видимым удовольствием выпил, закусил и начал пить чай. Лицо его после водки и горячего чая покраснело, он перестал зябко потирать руки. Видно, начал согреваться. Дав ему время попить чаю и обвыкнуться, я спросил, что привело уважаемого гостя ко мне в столь поздний час. Купец посерьезнел.

– Старший сын у меня серьезно занедужил, Никита, седмицы две тому шел на корабле с товаром, разбойники напали, от супротивника обереглись, да из ружья в ногу пулей попали. Местные лекари лечили, все без толку. Жар его снедает, в беспамятство впадать стал, как бы Богу душу не отдал. Жалко сына, толковый он у меня, не как младший – тому бы только с девками гулять. Сильно беспокоюсь я за него, молодой еще – двадцать две весны всего, женил недавно, да вишь какая незадача... Я как увидел, что с ногой, кинулся по лекарям. Все говорят – антонов огонь, помрет парень, хорошо, купец знакомый из Москвы у меня в гостях случился – о тебе рассказал. Помоги, век Бога за тебя все мое семейство молить будет, да и сам деньгами не обижу.

Купец выжидающе глянул на меня; в глазах его застыли тревога и боль за родного человека. Судя по описанию, случай и в самом деле серьезный.

– А как же мы добираться будем? На возке долго, сам по дорогам ехал – видел, что дождь натворил?

– Да так же, как и сюда – повозка не моя, знакомый купец помог, мы на ней только до Клязьмы, там у меня большая лодка, на ней быстрее будет до Нижнего добраться, чем по Оке, чуть не вдвое короче. Только, если согласен, не медли, доставить тебя быстро – моя задача, вылечи только!

Ну что же, надо помочь, не всякий из Нижнего осенней распутицей поедет даже из-за сына. Я поднялся наверх, объяснил Насте, что уезжаю в Нижний Новгород к больному, собрал сумку с инструментами, сунул туда две бутылки водки, оделся потеплее, за пояс воткнул, прикрыв плащом, два пистолета, поцеловал жену и Мишеньку.

В столовой уже стоял одетый по-дорожному Сидор.

– Мне с тобой ехать али здесь оставаться?

Я вопросительно поглядел на купца. Он отрицательно покачал головой:

– Места нет ни в повозке, ни в лодке, а дорога тяжелая. Люди у меня надежные, и туда и назад доставят в целости, не беспокойся.

Я отдал Сидору последние указания, и мы вышли. Пока купец был у меня, лошади успели отдохнуть, к тому же сметливый Иван распорядился их покормить. Мы уселись в тесный возок и тронулись. Возок хоть и был крытый, но кое-где протекал и от холода не спасал вовсе. Часа через два я почувствовал, что замерзаю, достал из сумки водку, отхлебнул сам и дал глотнуть попутчику. Купец хорошо приложился к бутылке, довольно побряхтел.

– А хороша у тебя водка! Ежели все с сыном в порядке будет, то я дело с тобой налажу. Мои корабли в Москву часто ходят, товар возят, обратно и водку будут брать.

Полбутылки он выпил точно, причем без закуски. Правда, ведь и досталось ему больше, чем мне. Я из теплого дома вышел, сухой и сытый, а он не отдохнул и получаса, не обсох: когда выходили из дома, я обратил внимание, что за Алтуфием тянутся мокрые следы. После выпитого стало несколько теплее; возок трясло и раскачивало, лошади месили грязь копытами. Еще часа через два мы остановились. Купец выглянул наружу.

– Приехали, выходи, лекарь.

На берегу реки, у одинокой избушки, стояла лодка с небольшой мачтой. Людей вокруг видно не было, но стоило нам выйти, как на голос купца из домишки высыпала дюжина здоровых мужиков. Все дружно поклонились купцу, один подхватил мою сумку, и мы устремились к лодке. Было темно, только луна, временами выглядывая из-за туч, скудно освещала местность. Гребцы скоро расселись, разобрав весла, купец сел на корме за рулевого, мне дали место на носу. Лодка отошла от берега, и гребцы погнали ее вниз по реке. Клязьма здесь была довольно широкой, и лодка быстро шла прямо посередине реки.

Как купец в темноте угадывал повороты, ухитряясь задавать гребцам темп, для меня осталось загадкой. Должен сказать, что ни до, ни после я не видел, чтобы

лодку гнали с такой скоростью. Спины гребцов мощно сгибались и разгибались, даже под одеждой можно было угадать бугры мышц, от разогретых тел поднимался легкий парок.

Незаметно я задремал и очнулся лишь тогда, когда ход лодки изменился: оказывается, подул попутный ветер и подняли парус. Гребцы, сложив весла на борта, отдыхали, утирая пот. Рассвело. Один из гребцов – видимо, старший – вытащил сумку и передал всем по куску хлеба с салом. Мы подкрепились, а я еще и отхлебнул водки из бутылки. Мужикам было жарко от работы, а мне зябко в неподвижности. Места, чтобы размять руки и ноги, просто не было. Я и так был удивлен, когда увидел, сколько гребцов на лодке: под веслами мы шли, как под парусами с хорошим попутным ветром. Передохнув, мужики снова взялись за весла, правда, пока ветер надувал парус, сильно не напрягались.

Мы шли без остановок уже десять часов. По берегам слева и справа мелькали маленькие деревушки, купец иногда что-то говорил старшему гребцу. Наконец остановились у маленького деревенского причала, где болталась еще пара лодок. Все дружно сошли на берег, купец подвел меня к костерку, над которым дымился котел с уже готовым кулешом, вкусно пахло горячим варевом. Нам дали по полной миске, и мы уселись на лежащее рядом бревно. Гребцы ушли в деревню, откуда вскоре явилась другая группа. Когда мы доели, свежие гребцы уселись в лодку, и гонка продолжилась.

Я мысленно подивился хватке и организованности купца. Так четко все организовал – горячий обед, гребцов, как будто имел сотовый телефон. Для средневековой Руси такая четкость и организованность была диковиной, и мне у него не грех было поучиться.

После горячего обеда разморило. Я закутался потеплее и задремал. Когда стало смеркаться, мы снова вышли на берег рядом с деревенькой. Снова ужин у костра, смена гребцов – и мы опять погнали. Купец все время сидел на руле – железный он, что ли? Я из дома вышел отдохнувший, в лодке уже вздремнул, а он все время бодрствует да еще и работает. Таким образом, меняя гребцов и успевая только поесть и сбегать в кусты по нужде, мы за двое суток добрались до Нижнего. По-моему, для водного пути это был рекорд.

На городской пристани нас уже ждал экипаж, и не успели мы расположиться, как кучер погнал с места в карьер. Через полчаса мы уже были у дома купца. Территория усадьбы была невелика, так как находилась она недалеко от центра,

но сам дом оказался огромен – из камня, в два этажа, с колоннами у парадного входа. Не мешкая, мы прошли в одну из комнат. В просторной, устланной персидскими коврами горнице на широкой кровати лежал молодой человек. Стоял густой запах гноя. Похоже, дела плохи. Я поздоровался – в комнате были несколько домочадцев – и попросил всех, кроме Алтуфия, выйти. Откинув одеяло, увидел фиолетово-багровую ногу. Из раны чуть выше голеностопного сустава сочилась сукровица с гноем. Икра была распухшей, при надавливании на нее из раны потек желто-зеленый гной. В лучшем случае – флегмона, при абсцессе был бы ограниченный очаг, здесь же четких границ гнойника не определялось. На ощупь парень был горячим, сознание спутанное. Я повернулся к Алтуфию.

– Надо резать, выпускать гной, смотреть, что натворила пуля и не задета ли кость. Тянуть нельзя: все надо было сделать раньше, после ранения. Если во время операции увижу, что начала гнить кость, попробую часть кости убрать, а если и это не поможет, не исключено, что придется ампутировать ногу, иначе твой сын может умереть. Мужик ты сильный, поэтому рассказываю все как есть. Какой исход будет, не знаю, я ведь не Господь Бог. Согласен ли ты? Решай, но недолго, надо оперировать срочно!

Я замолчал. Купец походил по комнате, бросал на сына короткие взгляды, повернулся ко мне.

– А если я больше заплачу, сохранишь ли ты ему ногу?

– Мил человек, да сейчас пока речь идет не о деньгах, а о том, будет твой сын жив или нет! Отрежу ли я ему ногу или нет, будет видно во время операции. А может, придется делать и не одну операцию!

Купец сокрушенно покачал головой.

– Ладно, про тебя говорили – чудеса творишь, ты больше меня в своем ремесле понимаешь, полагаюсь на тебя, жизнь и здоровье сына вручаю твоим заботам.

– Хорошо, готовьте горячую воду, высокий стол – вроде того, за которым обедаешь, и помощник мне нужен.

Купец окликнул домашних:

- Готовьте стол, кладите туда его, и чтобы была горячая вода.

В комнату холопы живо притащили тяжелый дубовый стол, застелили его простыней и перенесли на него постанывающего Никиту. Я дал ему выпить настойку опия, а сам стал раскладывать и готовить инструменты, мыть руки.

- А кто будет помогать?

- Да я и буду, - ответил купец.

- А плохо тебе не будет, сын ведь?

- Хуже видали, - коротко ответил он.

Серьезный, крепкий мужик.

Я обработал ногу спиртом, протер спиртом руки. Никита уже лежал в отключке, да и много ли ему в его состоянии надо было? Сделал широкий разрез, длиной почти во всю икру, оттуда хлынул желто-зеленый гной, поставил тазик и сделал еще несколько параллельных глубоких разрезов. Крови почти не было, только обильно тек гной. Один диагноз подтвердился - флегмона. Промыв раны разведенным спиртом, добрался до пулевого ранения. Пулю еще до меня ухитрились вытащить местные лекари. Кость была задета, на нижней трети малоберцовой кости еле держался отколотый пулей фрагмент, из-под которого тоже вытекал гной. Костный обломок я удалил, все хорошенько промыл и засыпал все операционные раны сушеным мхом: за неимением антибиотиков и это средство хорошо. Раны зашивать не стал - гной должен выйти наружу. Вымыли руки, перенесли парня на кровать, убрали стол и тазик с гноем. Я вымыл инструменты, протер их спиртом. Купец с нетерпением смотрел на меня.

- Ну, что скажешь?

- Пока ничего, будем смотреть, наблюдать. Поставь еще одну кровать в его комнате, я буду жить здесь, рядом с ним, хотя бы первые дни.

Алтуфий молча кивнул, отдал распоряжения холопам, а меня пригласил в трапезную.

Дело было сделано, можно было и поесть. Стол уже был накрыт, горячие блюда аппетитно дымились. Я вытащил свою последнюю бутылку водки, купец, как хозяин, разлил. Молча чокнулись и выпили. Ели почти в полной тишине: видно, купец переживал за здоровье сына, однако на его аппетите это никак не сказалось. Немного передохнув, пошли в баню, после дороги и работы это в самый раз. Конечно, хорошо бы сделать наоборот – сначала в баню, потом поесть, затем работать, но в данном случае больной не мог ждать.

После бани посидели, разморенные, в предбаннике, попили квасу. Когда вернулись в дом, ко мне подошла жена купца, и я сразу обратил внимание, что она тоже нездорова: глаза навекате, на шее – увеличенная щитовидная железа, сама худовата.

– Как мой Никитушка?

– Постараюсь сделать все, что могу, но пока ничего определенного не скажу.

Мне не хотелось зря обнадеживать этих, по-видимому, хороших и работающих людей. Я поднялся в комнату Никиты: он уже отошел от действия опия. Дыхание было шумное, лицо потное и бледное. Проверив пульс, я осмотрел рану. Эх, сюда бы антибиотиков да антисептиков!

Пока пациент не требовал моего вмешательства, решил лечь отдохнуть. Скорее всего, ночь будет беспокойная. И в самом деле, к ночи температура поднялась, но отек на ноге уже исчез, гноя было мало.

Я делал уксусные обтирания и менял повязки. В коридоре у дверей постоянно дежурил холоп, подносящий по моей просьбе то уксус, то горячую воду и убирающий грязные перевязочные материалы. В трудах прошло три дня, рана стала очищаться, появились грануляции – первый признак того, что пошло выздоровление. Температура спала, и вскоре парень впервые попросил поесть. Кормила его по моему разрешению молодая жена, красивая, полнотелая девица, про таких на Руси говорят – «кровь с молоком».

Мы немного поговорили, в основном я и Ефросинья – так звали жену Никиты. Сам Никита был еще слаб.

Дня через два температура вечером вдруг подскочила, и мне пришлось сделать один глубокий разрез, чтобы выпустить гной из мышечного кармана. После этого пациент уже твердо пошел на поправку, и я несколько успокоился. Никите становилось все легче, ел он уже сам, сидя в кровати, жена не сводила с него глаз. Я подошел к Алтуфию.

– Раз уж я здесь, давай посмотрю твою жену, у нее болезнь, которую я постараюсь вылечить.

Купец покачал головой:

– Я уж ее к разным лекарям возил – никто помочь не мог. Как замуж брал – такая красавица была, все в руках горело! Рукодельница, одним словом. А сейчас ослабла, сердце болит. Если сможешь – век не забуду! С сыном-то вроде налаживается?

– Да, с сыном все будет хорошо, я думаю, через неделю я буду не нужен.

– А с женой – правда, можешь помочь?

– Давай для начала я ее посмотрю.

Мы с купцом прошли в комнату Марии, жены купца. Она лежала на кровати, голова – на куче подушек. Поздоровавшись, я присел рядом.

– Вот, лекарь тебя осмотреть хочет, вроде берется вылечить, – сказал купец.

– Спасибо тебе, лекарь, за сына, в церкви за тебя молиться буду, а если еще и меня на ноги поставишь – вся семья до конца века в долгу у тебя будет.

Я начал осматривать Марию, расспрашивал ее о симптомах. Да, похоже на зоб, я даже прощупал узел в правой доле.

– Резать надо, матушка!

– А без этого никак нельзя? Травки, может, какие попить?

Вмешался купец, до этого молча наблюдавший за осмотром.

– Мария, ты уже и травки пила, и порошки, что лекари давали. Юрий дело предлагает, ты видишь, что он сына спас, может, и тебе поможет, не отказывайся. Мы за помощью сколько уже ездили, да только толку нет. Человек сам твою болячку увидел, неужто счастливый случай упускать будем?

Мария лишь кивнула в ответ:

– Все правда, да боязно только.

Мы уговорились, что завтра и будем делать операцию. Использовали тот же стол, женщину уложили, но помогала одна из холопок, купец был занят. Я успешно нашел и удалил два узла – большой и поменьше – и зашил рану. Пациентку переложили на кровать.

Спал я теперь в отдельной комнате, питался с семьей вместе за одним столом. Времени на осмотр больных уходило теперь не так много. Никита поправлялся, каждый день были сдвиги в лучшую сторону. Он уже ходил по комнате, правда нога была в повязке, но гной не сочился, температуры не было. С Марией тоже все шло на поправку: послеоперационная рана затянулась первичным натяжением, рубец ровный, хоть пока и красный. Она стыдливо укрывала его шалью. Буквально на третий день прекратились приступы сердцебиения, начала исчезать слабость, щеки порозовели. К концу недели стало заметно, что больная чувствует себя лучше, а через две недели, как раз к моему отъезду, уже явно набирала вес. После осмотра обоих пациентов я подошел к Алтуфию.

– Все, я сделал что смог – и сын, и жена твои здоровы, я свои обещания сдержал.

– Спасибо, лекарь! Завтра в честь выздоровления дорогих моему сердцу людей будет пир, а потом и в дорожку можно будет собираться.

На следующий день вся дворня бегала как заведенная, в зале расставляли посуду, на заднем дворе холопы разделывали туши, из кухни доносились такие запахи, что только слюни успевай сглатывать. Около трех часов дня ко мне зашел холоп, пригласил «откушать, чем Бог послал». Я огладил руками свое повседневное платье – парадного-то не взял – и поспешил за холопом.

Войдя в распахнутые двери, чуть не остолбенел. В красивом зале, устланном большим дорогим ковром, стояли два ряда длинных столов, обильно заставленных различными яствами. Здесь было все, о чем только можно мечтать: начиная от красной рыбы и красной и черной икры в ведерках до – я видел их здесь в первый раз – апельсинов. В мое время, конечно, апельсины лежали на любом рынке, но здесь... Постарался купец! Вокруг столов стояло множество людей, человек двести, не меньше. Одеты были празднично и ярко, на женщинах золота, как в небольшом ювелирном магазине. Ко мне подошел Алтуфий, пожал руку и громогласно объявил:

– Юрий Кожин, лекарь каких свет не видел, спаситель моего сына и жены. Сегодня, друзья, пир в его честь и славу, а также в честь избавления жены и чада моего от хвори!

Ко мне стали подходить солидные купцы с женами, Алтуфий лично их мне представлял. Сначала я пытался запомнить, но потом все имена перемешались в голове. Когда представление закончилось, всех пригласили к столу. Первую чарку выпили за выздоровление Никиты, вторую – за Марию, третью – за меня, лекаря Юрия, пожелав долгих лет и всего, всего, всего. По знаку Алтуфия из дверей вышли два холопа, с подносами, накрытыми платками.

Алтуфий встал, разговоры за столом сразу смолкли.

– Гости дорогие, я не зря ездил в Москву, чуть гребцов не загнал, привез отменного лекаря, который поднял на ноги моих любимых людей – сына и жену. – Купец низко поклонился мне. – Подарил он дорогим мне людям здоровье и жизнь, а в мое сердце вселил радость, хочу его крепко обнять и поцеловать. – Здесь он крепко меня обнял и троекратно, по-русски, расцеловал. – И в знак уважения прошу принять от меня маленькую благодарность.

Купец подозвал холопов – они встали рядом – и картинно сдернул с одного подноса платок. Поднос был завален серебряными монетами.

– Это за сына, Юрий!

Подошел ко второму подносу и сдернул с него платок – там лежали золотые монеты.

– Это – за любимую жену!

Гости в зале приглушенно ахнули. Купец победно оглядел зал – как, мол, впечатление? Да, это конечно, в русском стиле – размах, широта души. Я приблизительно прикинул: получается больше, чем мне дал французский король за лечение своего наследника, о чем не преминул всем сообщить. Раздались восторженные возгласы, купец самодовольно улыбался – знай, мол, наших!

Дальше пир продолжался своим чередом. Гости уже изрядно набрались, но пьяным никто не был – пить на Руси умели. Ко мне периодически подходили купцы, заверяя в дружеском расположении, одновременно предлагая посетить и их дома на предмет полечить домочадцев.

В разгар пира мужики решили выйти во двор, освежиться. Как всегда, во все времена, зашел разговор о лошадях, затем об оружии, кто стреляет лучше, кто более удачливый охотник. Разгорелся спор, позвали холопа, который принес пару пистолетов и у забора поставил мишень. Спорщики стреляли по очереди, но не попали, скорее всего, выпито было много. Все дружно стали говорить, что мишень для пистолетов далековато.

Черт меня дернул сказать, что попаду оба раза из двух пистолетов! Я сходил в свою комнату, принес оба пистолета. Пока ходил, круг зрителей увеличился, из дома, привлеченные голосами спорщиков и зрителей, подошли еще люди. Ну, назвался груздем – полезай в кузов. Я прицелился, задержал дыхание, выстрелил, немедля вытащил из-за пояса второй пистолет и выстрелил снова.

Холоп принес фанеру, и все дружно уставились на нее, потом – с изумлением – на меня, тогда уже я, слегка растолкав купцов, взглянул на мишень. Обе пробоины были почти в центре, на дюйм друг от друга. Неплохие результаты даже для трезвого, а пьяному, видно, сам Бог помогает.

Купцы попросили посмотреть оружие. Крутили-вертели, но, поскольку никто не заглянул в ствол, то ничего необычного не нашли и решили, что все дело в моем мастерстве стрельбы. Восхищенные, хлопали меня по плечам, предлагали пойти еще выпить, отметить отличную стрельбу. Потом все дружно отправились продолжать застолье.

Когда уже стемнело, появился оркестр: балалайки, гусли, рожки. Народ начал плясать, а поскольку я не большой любитель танцев под балалайку, то отправился спать.

Выспался под завязку, умылся, есть не хотелось. Пора было думать об обратной дороге.

– Юрий, а ты что же не выполняешь обещание? – На пороге комнаты стоял Алтуфий.

Я изумился:

– Какое обещание?

– Да ты вчера обещал при знакомстве с гостями полечить кое-кого. Вон у ворот уж часа два возок стоит, тебя дожидается!

Час от часу не легче! Раз обещал, придется выполнять. Собрался сам, собрал инструменты, поехал по купцам. Кучер сам знал, куда везти, – вероятно, ему Алтуфий сказал.

В каждом доме встречали с почетом, везде старались по русскому обычаю угостить вином: откажешься – обида, приходилось пить. К вечеру, уже сильно пьяный, я добрался до купеческого дома. Как прошел в свою комнату, помню смутно.

Проснувшись утром, увидел в углу комнаты кучу вещей – шуба меховая, вроде как бобровая, несколько меховых шапок, несколько кошель с серебром. Я пошел к Алтуфию.

– Это что у меня в комнате, откуда взялось?

Алтуфий принялся громко хохотать, хлопая себя по ляжкам.

– Да ты и в самом деле ничего не помнишь? Слаб ты пить! Лекарь хороший, а вот пить слаб! Это же тебе за работу дали, товарищи мои, торговые люди, да благодарность передавали, спрашивали – когда в Москве будут, можно ли зайти

к тебе, полечиться али кого из родни привезти?

- Можно, конечно, работа у меня такая.

- Хотел сразу по водочке с тобой поговорить. У нас хлебное вино в Нижнем тоже творят, да с твоей водкой не сравнишь. Давай сразу большую партию куплю, скажи только, когда приказчика прислать да почем штоф стоит?

Мы обговорили все условия сделки и ударили по рукам. Теперь надо было решать вопрос с обратной дорогой. Можно было договориться с купцами, везущими товар на своих кораблях в Москву, но с кучей денег не хотелось рисковать. Я обратился к Алтуфию.

- Да гости сколько хочешь! Ты еще не всех объехал, кто хотел полечиться, а когда скажешь, что домой пора, тем же путем назад доставлю. Я ведь обещал, и слов назад своих не беру.

- Да уже надо мне назад. Больные у меня там есть.

Алтуфий развел руками.

- Надо так надо. Когда обратно думаешь?

- Завтра с утра. Сегодня еще кое-кого объеду, обещал.

Сев в возок, снова поехал по купцам. Осматривал их самих, их жен, детей и ближнюю родню. К вечеру, усталый и выпивший, снова заявился домой. Я понимал, что каждый купец хочет быть хлебосольным хозяином, но так и спиться можно. С утра холопы быстро перетаскали в возок мое имущество; две сумки с монетами и сумку с инструментами я нес сам.

У возка попрощался с Алтуфием и его семейством, которое дружно вышло меня проводить. Когда я начал отъезжать, все дружно поклонились в пояс.

Жалко мне в этот миг стало Россию – таких людей в войны да революции с перестройками потеряли, соль и цвет земли русской! Трудолюбивые, хваткие, жадные до дела, но не дураки отдохнуть и выпить. Все умели, но всему свое

время.

Обратно я добирался точно так же. Сменялись гребцы, оставалась лишь лодка да я со своим грузом. До Москвы добрались быстро, за два с половиной дня.

Когда я зашел в дом, Настя, развернув мои сумки, ахнула:

– Да ты из Франции меньше привез! Вот тебе и Нижний Новгород!

Я приказал истопить баньку, перекусил, помылся и завалился спать. Устаешь все-таки в дороге, да и погода была мерзкая: холодно и сыро, совсем не для путешествий. Дома отогревался и отсыпался два дня, затем объехал свои предприятия.

На водочном заводике уже вовсю кипела работа над заказом Алтуфия, надо было сделать за неделю три тысячи бутылок, по срокам вроде успевали. Через неделю прибыл приказчик от Алтуфия, водку к тому времени приготовили. Приказчик расплатился, рабочие начали грузить ящики на подводы. Со слов приказчика, купец будет в Москве через месяц, если водка хорошо будет продаваться, сделает еще заказ. Ну что же, оптом сбывать лучше – меньше головной боли.

А вообще-то стоит подумать о расширении водочного заводика, уже сейчас он работает почти на пределе возможностей, если большие заказы из Нижнего будут регулярными, нам придется ограничить в поставках Москву, а мне бы этого не хотелось. Я поговорил со своим управляющим, спросил, что надо для расширения производства. Помещений хватало, требовалось оборудование и бутылки.

Глава 3

Вот и выпал первый снег. На улице стало светло и чисто – так, что от света резало глаза. Из рта при дыхании вырывался пар, под ногами похрустывал ледок. Наступила зима. В это время стихали войны, снижалась торговая и деловая активность. На телеге уже не проедешь, на санях еще рано – снега

мало, а под снегом земля еще не промерзла. Вот в такую пору, когда бы только на теплой печи лежать, к моим воротам подъехал, проваливаясь в снег и грязь, экипаж, запряженный четверкой лоснящихся лошадей в дорогих пополах. Из кареты, пытая и отдуваясь, вылез толстый вельможа. Покрой камзола выдавал иноземца, на плечи была накинута соболья шуба – это уж московская погода заставила. Вельможа важно прошествовал к дому, холоп проводил его ко мне в комнату, помог снять шубу. Посетитель расшаркался, уселся в предложенное кресло и на ломаном русском языке начал разговор:

– Я имею честь представлять короля Англии, Шотландии и Ирландии Якова. По слухам, доносящимся до наших ушей от послов, а также от французского двора, вы, Юрий Кожин, очень искусный лекарь. Король Яков вот уже около полугода болен, его осматривали лучшие медики Англии, Испании и Франции, но назначенное лечение не помогает. Король специально прислал меня в Московию за вами.

Да, была охота в такую погоду ехать в Англию... Ближний свет!

Вельможа терпеливо ожидал ответа, на его лице не отражалось никаких эмоций. Я решил отказаться – деньги после посещения Нижнего Новгорода у меня были, а поездка в Англию – это ведь не на один месяц.

– Вы знаете, я сейчас занят, у меня много больных, бросить которых я не могу.

– Да это же король! Это не простой смертный, он не может ждать!

– Его лечат лучшие английские врачи, – возразил я, – а я тоже не Господь Бог!

Вельможа помрачнел лицом.

– На Балтике нас ждет специально посланный военный корабль. Я просто не могу вернуться один, без лекаря! Меня ждут крупные неприятности.

– Хорошо. Сколько заплатит король за лечение?

– Я думаю, что пятьдесят золотых – это серьезная сумма...

– Пятьдесят? Да ваш король скупердяй! Король французский Людовик за лечение сына заплатил вдвое больше. За лечение короля я прошу двести, и не меньше, причем половину сразу, авансом.

Вельможа задумался.

– Я должен посоветоваться с послом, – сухо сказал он и с тем и отбыл.

Они что, думают, что если он король английский, я задаром должен тащиться за тридевять земель через беспокойное в это время года Балтийское море, отрываясь от семьи на пару месяцев? Да нижегородский купец Алтуфий больше дал, а не король, однако! Жадноваты короли – сделал я вывод.

Прошло два дня, на третий у ворот появился знакомый экипаж. Из него, сопровождаемый слугой, вышел английский вельможа и проследовал в дом. Поздоровавшись и усевшись, вельможа важно кивнул слуге, тот сделал шаг от двери, вытащил кожаный мешочек и положил на стол. Зазвенели монеты.

– Попрошу пересчитать в моем присутствии и написать расписку.

Я пересчитал и написал расписку. Вельможа перечитал ее и спрятал за обшлаг рукава.

– Когда вы будете готовы к выезду?

– Завтра с утра жду вас.

– Хорошо!

Собрал инструменты, дорожное платье, поговорил с Анастасией и дал распоряжение Сидору, который оставался за главного в мое отсутствие.

Честно говоря, ехать не очень хотелось: томила какая-то неясная тревога. Ночь прошла беспокойно, с бурными ласками Анастасии, как всегда перед моими долгими отлучками.

Утром подъехал возок, уже не на колесах, а на полозьях. Я, провожаемый домочадцами, вышел, Сидор нес сумку с инструментами и баул с вещами. Попрощавшись, сел в крытый возок, поехали.

Дорога на санях была более комфортабельной, чем на колесах, но вельможа всю дорогу ехал и стонал, ругаясь по-английски, видно проклиная всю Россию с ее дорогами, морозами и снегом. До Ревеля добирались долго, дней десять, за это время вельможа со своим нытьем мне ужасно надоел: дорога и еда в придорожных трактирах его не устраивали, он мечтал быстрее добраться до цивилизованной Англии. Однако вот и Ревель, порт, английский военный корабль – бриг, если я не путаю.

Когда мы с вельможей по трапу поднялись на борт, команда построилась, а капитан, вытащив шпагу, салютовал нам, из чего я сделал вывод, что вельможа чинов не маленьких. Нас развели по каютам, и судно тут же устремилось в путь.

Почти все время штормило, туманы часто окутывали горизонт, и матросы до изнеможения скалывали образующийся на палубе и многочисленных веревках лед. Через неделю пути впереди показалась земля, команда забегала шустрее, приводя потрепанный переходом корабль в пристойное состояние. Я же почти все время просидел в каюте, на палубе ветрено, холодно, на нижние палубы меня вежливо, но твердо не пустили, видимо, опасались, что я могу высмотреть какой-либо военный секрет.

Сбросив основные паруса, на одном лишь носовом корабль медленно входил в устье Темзы. В приветственном салюте громыхнули пушки корабля и береговых батарей с крепости. Мы пришвартовались, подогнули карету, и я с вельможей отправился в королевский замок. На улице был туман, но я во все глаза рассматривал окрестности. Вот и Биг Бен, его я узнал сразу.

Мы въехали во дворец и почти сразу же прошли в покои короля. Камердинер доложил о нас, и двери спальни открылись. Вельможа церемонно поклонился, сделал несколько шагов и поклонился снова. Я повторил его движения – со своим уставом в чужой монастырь не ходят. В огромной спальне на кровати под балдахинном возлежал мой пациент – мужчина лет сорока пяти-пятидесяти, бледное лицо с усиками, синеватые мешки под глазами. Король о чем-то заговорил с сопровождавшим меня вельможей. Отдельные слова я мог понять, все-таки учил язык в школе и институте, но смысл всей речи от меня ускользал. Появился переводчик, сказал, что мне дозволяется говорить с королем, но это

великая честь и я должен быть краток. Расспросив короля Якова о жалобах, я попросил раздеться и осмотрел его. Диагноз был ясен: аденома простаты, надо оперировать. Вот почему английские врачи не смогли помочь: травы в данном случае не помогут, в лучшем случае несколько облегчат состояние. Все это я попросил точнее и подробнее перевести королю. Тот со вниманием выслушал, задал кучу вопросов – сложно ли это, больно ли, какие у меня гарантии и так далее. Я отвечал как можно правдивее – операция тяжелая, шанс на выздоровление есть, гарантий дать никаких не могу, я не Господь Бог. Монарх надолго задумался, как всякому человеку ему не хотелось ложиться под нож, и он старался поторговаться:

– Говорят, ты искусный лекарь, надо обойтись без операции, я еще не слишком стар.

Со всем возможным почтением я постарался объяснить, что без операции не обойтись, с каждым месяцем состояние будет ухудшаться и в дальнейшем даже операция может не помочь. Король взял время на раздумье, меня отвели в отведенную мне комнату и покормили. Обед, прямо скажем, не королевский – жареный цыпленок, тушеные овощи и кислое красное вино. Ладно, пока король будет думать, лягу спать.

Ночью ко мне прибежал взволнованный слуга, что-то говоря по-английски. Я и без переводчика понял, что не ужинать зовут, взял инструменты и пошел за слугой. Король в ночной рубашке и колпаке стоял над горшком, тщетно пытаясь помочиться. Спальню оглашали стоны и крики. Слабый, однако, народец эти английские короли. Я бужом вывел мочу, король сразу успокоился и улегся спать, потоптавшись, я пошел в свою комнату и последовал его примеру.

Утром меня не тревожили, я всласть выпался на хорошей перине. Встав, умылся, сходил в туалет. Слуги, видя, что я уже проснулся, принесли овсяную кашу с изюмом и вино, от которого у меня еще вчера была изжога. Черт побери, кормежка у французов мне понравилась значительно больше, про вино я вообще промолчу! Интересно, а что пьют англичане? И вдруг в памяти мелькнуло – эль! Вот что надо попросить у слуг, а не это вино. Но до эля дело не дошло, проснувшись, король потребовал лекаря. Дозрел, видно, за ночь. Переводчик монотонно бубнил:

– Его величество обдумало ваше предложение и изволяет высочайшее согласие, но обязательно присутствие английского хирурга.

Я не возражал, и операцию решили провести на следующий день. В этот же день я отлеживался в постели, к спиртному не притрагивался, мысленно проигрывая ход операции. С утра появился приятного вида старичок в мантии, переводчик представил его как королевского хирурга Патрика. Через переводчика я попытался выяснить уровень подготовки англичанина – делал ли он подобные операции, оказалось – нет, но рад будет посмотреть. Лучше бы помощь оказал, чем учиться, да еще на короле. Но выбирать не приходилось. Я вкратце пересказал ход операции, мы пришли в медицинскую комнату, оказывается, во дворце была такая – с примитивным операционным столом, скудным набором инструментов. Под руки привели короля, мы вдвоем с Патриком уложили его на стол, я напоил августейшего настойкой опия, вместе с англичанином вымыли руки. Все свои действия я пояснял подробно, пока возражений или вопросов не было. Обработав живот высокопоставленного пациента спиртом, приступили к операции. Патрик внимательно смотрел, причем даже оказывал маленькую помощь, промокая кровь салфетками или держа крючки для расширения раны. Послойно разрезав кожу, мышцы, стенки мочевого пузыря, я добрался до простаты. Этот доступ к аденоме называется в медицине чрезпузырным. Вылутил узел простаты, все аккуратно зашил. На операцию ушло около полутора часов, закончилось все благополучно. Король постанывал, но пульс и дыхание были удовлетворительными. Наложили повязку, и по знаку Патрика четверо дюжих гвардейцев, осторожно переложив короля на ковер, унесли в королевскую опочивальню. Мы с Патриком вымыли руки, затем он набил трубку табаком и предложил мне. Давненько я не курил, даже запаха табака давно не ощущал. На Руси табак еще не был распространен, церковь относилась к курению резко отрицательно, предавая анафеме.

Усевшись, мы закурили по трубочке. Табак оказался хорош – легкий, ароматный, с привкусом то ли дуба, то ли еще какого-то дерева. Сделав затяжку, я удивился, затем одобрил:

– Very good!

Эти слова даже при моем скудном словарном запасе я знал. Лицо Патрика расплылось в самодовольной улыбке:

– Вест-Индия! – Он поднял указательный палец.

Я очень давно не курил, с непривычки слегка закружилась голова. Патрик достал бутылку, разлил спиртное по рюмкам. Мы выпили – это оказалось отменное виски. Я одобрительно поднял большой палец. Патрик захохотал и хлопнул меня по плечу. Затем через переводчика я ответил на его многочисленные вопросы: и чем протирал живот, и как вылущивал узел. Разговор продолжался долго, часа два; когда я попытался сообщить, что не помешает проведать пациента, Патрик удивился:

– А зачем? У его постели будут бессменно дежурить два врача, при ухудшении состояния вас немедленно известят, единственная просьба – не уходить из дворца, дабы вас можно было быстро найти. Такие руки, как у вас, – Патрик завистливо покосился на мои руки, – надо беречь, они стоят значительно дороже золота.

Он не предполагал, что в далекой Московии могут быть хирурги такого уровня. И как член Британского общества хирургов, просит разрешения подробно описать ход операции на собрании. Я великодушно разрешил, чувствуя усталость, причем больше сказывалось нервное напряжение: все-таки король, владыка половины мира (если считать колонии), так что любая ошибка могла мне дорого обойтись.

Утром, не надеясь на английских коллег, пошел взглянуть на пациента. Король постанывал, капризничая, но на то он и монарх; повязка была почти сухой. Я пощупал лоб, все-таки небольшая температура имелась. Дав некоторые указания двум врачам в зеленых камзолах и потребовав себе переводчика, я отправился побродить по дворцу: не каждый же день приходится бывать в гостях у английского короля. К тому же дворец французского короля Людовика мне так и не удалось осмотреть. Меня проводили в картинную галерею, где были портреты всех родственников короля, осмотрел доспехи и оружие, причем кое-что смог надеть на себя – так, ради интереса. Затем отправился обедать. Меня обслужили быстро, вежливо, но как-то безразлично. У всех слуг каменные, ничего не выражающие лица. То ли вышколены во дворце, то ли все англичане такие.

Уныло прошла неделя, король начал вставать, легко самостоятельно мочиться. По-моему, он обо мне и не вспоминал. Дня через три совместно с Патриком в присутствии переводчика я осмотрел короля Якова, признал его состояние удовлетворительным, в моих услугах он больше не нуждался. Патрик был со мной согласен. Я напомнил королю, что хорошо бы со мной рассчитаться, и

попрощался. Часа через два в мою комнату вошел королевский казначей, скривясь, отсчитал золотые и попросил расписку, которую я незамедлительно ему выдал. Да, порядок в Англии был, это не французский двор, уж я-то мог сравнить. Следом после ухода казначея вошел вельможа, что сопровождал меня по пути в Англию, объяснил, что во дворе ждет экипаж, который отвезет меня в порт; корабль готов, капитан предупрежден, и меня доставят в любой порт на побережье Балтики. Мы раскланялись, я собрал свои немудреные пожитки и сумку с инструментами и вышел. Сопровожденный слугой, который нес сумки, сел в экипаж и направился в порт, по дороге снова разглядывал улицы, дома, мосты; тумана в этот день не было.

У пристани стоял прежний бриг, вахтенный матрос позвал дежурного офицера, тот узнал меня, и я поднялся на борт. Меня поместили в ту же каюту, бриг поднял паруса и вышел в море. Ветер был небольшой и ход был невелик. Но постепенно земля скрывалась из виду. Я стоял на палубе, наблюдая, как матросы четко и быстро выполняют команды.

Вдали показались паруса трех кораблей, они шли встречным курсом, быстро сближаясь. Капитан со старшим офицером долго смотрели в подзорные трубы, взволнованно переговариваясь. Засвистела боцманская дудка, матросы резво забегали, заскрипели люки орудийных портов. Похоже, корабли были неприятельские. Я подошел к старшему офицеру и указал рукой на корабли, он коротко бросил:

– Испания!

Вот дела, не хватало встрять в морской бой! Тем более что противостояние одного корабля трем неприятельским навевало нехорошие предчувствия. Я просто стоял и глазел, как испанцы обходят нас слева и справа. Слева по ходу надвигались два судна, по размеру вроде нашего – кажется, каравеллы, а справа тяжеловесной тушей подходил огромный галеон. Порты всех орудий открыты, было уже видно, как на палубе суетятся матросы. Если сейчас грохнут, нам капут! С галеона засемафорили флажками, на английском бриге спустили паруса, и мы остановились. Вокруг капитана собрались офицеры, матросы с боцманом стояли у мачт, все ждали дальнейшего развития событий. От галеона отвалила шлюпка, стала приближаться к нам. Сам галеон – здоровенное судно с тремя рядами орудийных портов по борту – находился не более чем в кабельтове. Было видно, как испанский капитан стоит на корме и наблюдает за нами в подзорную трубу.

Шлюпка подошла, с брига сбросили веревочный трап, и испанцы полезли на корабль. Первым на палубу поднялся молодой испанский офицер в расшитом золотом синем мундире, за ним посыпались матросы, вооруженные короткими абордажными саблями, но сопротивляться никто и не думал. Офицер подошел к англичанам, протянул руку, и капитан отдал ему свою шпагу. Испанец повернулся к галеону и помахал шпагой в ножнах. Как я понял, мы попали в плен. Мои нехорошие предчувствия, еще там, в Москве, меня не обманули. Похоже, и деньги плакали, и сам теперь в испанском плену окажусь. И дернуло же меня связаться с англичанами!

От галеона отвалила еще одна шлюпка, на палубу взобралась новая партия испанцев. Офицеров разоружили, отвели в кормовую каюту; меня, после непродолжительного диалога капитана и испанского офицера, поместили к ним же. Матросов заперли в трюме. И у трюма, и у кают с офицерами поставили вооруженных часовых. По судну чувствовалось, что оно делает поворот; испанцы подняли паруса – и в окружении трех испанских судов английский бриг направился на юг, в Испанию.

Английские офицеры вели себя спокойно, достали из шкафчика виски или бренди, уселись на пол и, неспешно переговариваясь, занялись поглощением алкоголя. Было такое ощущение, что они не больно-то переживали по поводу плена. Для военного любой страны это позор, сдача вместе с судном без боя – позор вдвойне. Конечно, война в Европе идет давно и воюющие страны от нее подустали, но не до такой же степени! Может быть, выдержка у англичан отменная? Скорее всего после окончания военных действий их обменяют на испанских пленных или выкупит английская казна. Я же сам по себе, обо мне английский король беспокоиться не станет. Может, по прибытии на место требовать интернирования? Россия сейчас ни с одной страной Европы не воюет, а с Испанией не воевала никогда, капитан судна должен подтвердить, что меня доставили из России и везли обратно, ни в каких военных действиях я участия не принимал. Другой вопрос – поверят ли пленному англичанину испанцы, а если и поверят, захотят ли отпустить? О жестокости испанцев разговоров было полно, слухи докатывались и до России. Могут посадить гребцом на галеры, век тогда не освободишься, тем более ростом и силой я не обижен.

За размышлениями я не заметил, как наступили сумерки. Изредка, небольшими группами нас выводили в туалет, дали питьевой воды. Офицеры улеглись в каюте на пол и дружно захрапели. Ко мне же сон не шел, я крутился на жестких досках пола и строил планы своего освобождения. Ничего разумного в голову не

приходило – ну не бросаться же с корабля в открытое море! С тем под утро и уснул.

Нас в каюте никто не беспокоил, только в полдень принесли питьевой воды и сухарей. К вечеру по палубе раздался топот ног матросов, захлопали опускаемые паруса. Один из офицеров стоял у кормового окна, сказал, что узнает эти берега – мы приближаемся к Картахене, одному из портов Испании. Мимо проплыли обросшие мхом валуны портовой крепости, из амбразур торчали внушительные чугунные стволы крепостных пушек. Корабль мягко стукнулся о причал, пришвартовались.

Часа через два открылась дверь, и нас поодиночке стали выводить из каюты. Стоящие у входа матросы накидывали веревочные петли на шею, связывали руки. Мы образовали цепочку связанных между собой людей. Спереди и сзади встали матросы из охранения, на плече у каждого висел мушкет, в руке – обнаженная абордажная сабля. По трапу нас согнали на причал, где уже находились связанные матросы, и погнали в город. Среди матросов и офицеров раздавались возгласы «Картахена»: видно, кто-то из них ранее посещал этот порт и город, но мало кто тогда знал, что придется вернуться в ином качестве.

Мы поднимались в гору; не доходя до города, свернули на боковую дорогу, через километр уткнулись в ворота крепости. Команда судна была слишком велика, чтобы поместить ее в городскую тюрьму, и нас решили заточить в крепости. Ворота со скрипом распахнулись, нас провели по территории. Пока мы медленно переставляли ноги, я старался рассмотреть, где что находится: вдали крепостная стена с пушками, почти в центре – трехэтажное каменное здание, вероятно, здесь располагаются комендант крепости и различные службы. У небольшого домика толпятся солдаты, в руках у них миски с похлебкой – тоже понятно, что кухня. Крепость была окружена только тремя стенами, с четвертой стороны – гора с довольно крутыми склонами. В горе – небольшая дверь под охраной часового. Надо запомнить на всякий случай – скорее всего склад, вот только какой, артиллерийский или продовольственный? Больше толком ничего рассмотреть не удалось.

Нас затолкали в подвал, предварительно сняв веревки, да и зачем они были нужны? Под самым потолком находились маленькие оконца с толстыми решетками, единственную железную дверь остались снаружи охранять двое часовых. Причем наша импровизированная тюрьма внутри крепости, где полно солдат, шансов сбежать отсюда тоже нет, оставалось ждать удобного случая. В

подвале было прохладно и сыро, на полу валялась слежавшаяся солома, в углу пищали крысы, с потолка капало. С непривычки заснуть здесь было тяжело, но сморенный усталостью, я нашел себе местечко, лег и погрузился в глубокий сон.

Утром вызвали капитана и принесли воды с сухарями. Во время дележки сухарей я заметил у некоторых матросов ножи. Нас не обыскали на судне, крепостные вояки понадеялись на моряков: не видно в руках сабель и шпаг, а на плечах – мушкетов, да и ладно. Вернулся капитан; переговорив с офицерами, подошел ко мне. Насколько я смог понять, из всей команды заинтересовались мной. Как бы интерес этот не вышел боком, испанцы – большие любители жестоких пыток. Не успел я обдумать слова капитана, как пришли за мной, определили безошибочно, ведь я единственный был в гражданской одежде, офицеры и матросы английского брига носили форму.

Меня повели в трехэтажное здание в центре крепости. Я как можно незаметнее попытался передвинуть оставшийся у меня пистолет подальше, чтобы он был хорошо прикрыт полой камзола. В большой комнате на первом этаже за столом сидели два синьора. Один был уже стар и сед, но строен и подвижен, в расшитом золотом камзоле и широкополой шляпе, второй – значительно моложе и упитанней, тоже в военной форме. Испанцы начали разговор на английском, но я поспешно сказал: «Ноу» и развел руками; продолжили на испанском, немецком, но я лишь разводил руками и повторял: «Русо, Московия». Наконец седой сделал знак, и меня снова увели в подвал.

До вечера меня никто не беспокоил, но уже утром снова препроводили в комендатуру. Все те же лица, но прибавился еще один мужчина, неподвижно сидящий в углу на стуле. Одет был скромно, если не сказать бедно, причем в гражданскую одежду. «Переводчика отыскали», – догадался я. И точно, испанец спросил, кто я такой и как попал на английский военный корабль, переводчик говорил с акцентом, но понять его было можно. Я объяснил, что я лекарь из Московии, звать меня Юрий Кожин, по приглашению английского короля был в Англии, чтобы лечить короля Якова. После того, как переводчик перевел, седой расхохотался.

– Неужели в Англии перевелись хорошие врачи, что из далекой Московии, где люди ходят в шкурах зверей, надо было приглашать лекаря? Чем ты можешь подтвердить свои слова?

Я, недолго думая, сообщил:

– На английском корабле в сумке мои медицинские инструменты и награда за лечение – сто золотых монет. Пусть ваши люди проверят.

При упоминании о золотых монетах глаза обоих испанцев жадно блеснули. Больше меня ни о чем не спрашивали и снова отправили в подвал. Я старался идти медленно, чтобы хоть немного подышать свежим воздухом; в подвале воздух был влажным, спертым, вонючим из-за скученности и отсутствия туалета.

На следующий день меня снова повели к коменданту. На этот раз, кроме троих уже известных мне лиц присутствовал еще один, судя по подобострастному поведению испанских офицеров – довольно важная шишка. На его лице застыла гримаса презрения к окружающему миру, глазки злобно посверкивали. На столе лежала моя сумка с медицинскими инструментами, было видно, что в ней копались.

– Мы проверили твои слова, московит, в сумке действительно лекарские инструменты, но сумку ты мог взять с собой для того, чтобы укрыть тайные дела, признавайся!

– Мне не в чем признаваться, я только лечил короля!

– Мы подозреваем, что ты являешься тайным посланником московитского царя Михаила, посещал Англию, чтобы сговориться о союзе Московии и Англии в совместной войне против Испании.

– Нет, я не тайный посланник, все что я умею, это лечить, причем очень хорошо, если вы можете проверить, то я лечил сына французского короля Людовика.

Испанцы переглянулись.

– Проверка займет слишком много времени, за лекарем не будут посылать военный корабль во время войны, здесь кроется какая-то тайна. Скажи, зачем ты был в Англии, какие грамоты передал королю Якову, или послание было только на словах? О чем сговариваются московитский царь Михаил и английский король?

Я лишь пожал плечами в ответ. Такого развития события я не предполагал, могли бы спросить о состоянии здоровья короля или задать еще какие-либо вопросы, но заподозрить во мне лазутчика?..

Хотя и в самом деле некоторые основания для подозрений были. Почему за гражданским лицом отправили военный корабль в далекую страну, когда корабли нужны на войне? Стало быть, лицо надо доставить в целости, пушки хранят секреты лучше, чем сундуки. Опять же при мне было значительное количество золотых монет. Поди угадай за что – за лекарскую ли работу или на подкуп нужных лиц? Определенно, испанцы имеют основания для подозрений.

Испанцы посоветовались, незнакомый мне тип со зловещей улыбкой пообещал завтра привести палача, ведь «испанские сапоги» разговорят любого. Меня снова увели в подвал. Похоже, завтра за меня возьмутся всерьез, что им и в самом деле стоит пригласить для неразговорчивого москвитя палача? Сказать я все равно ничего не смогу, так как не знаю, о чем речь, испанцы это воспримут как упорство и стойкость и будут пытаться еще сильнее. В конце концов за несколько дней сделают из меня калеку. Видно, настал момент для решительных действий.

Я подошел к одному из матросов, знаками показал, что хочу его нож, тот достал клинок из ножен, повертел его передо мной и потер большим пальцем об указательный. Жест, понятный всем. Я снял с пальца золотое кольцо и протянул его, взамен получил нож с ножнами и сунул его за пояс. Теперь у меня был пистолет с одним зарядом и нож. Лучше умереть, чем попасть в руки палача!

Ночь прошла беспокойно, я мысленно проигрывал различные варианты, но все они были утопическими. Уж воевать испанцы умели, и я не думаю, что в крепости солдаты были неумехи. Ладно, ввяжемся в бой, а там будет видно. Как говорится, «бог не выдаст, свинья не съест».

Утром я проснулся бодрым, несмотря на то, что спал мало, тело было готово к схватке, адреналин – в крови. Как и оказалось, меня снова повели на допрос. Я старался идти медленно, исподтишка оглядывая крепость. До ворот далековато, но от горы в сторону стен и ворот был уклон, для моего плана то, что надо.

На этот раз рядом с переводчиком я увидел палача – одноглазый, с повязкой на пустой глазнице, со шрамом через всю щеку, в кожаном переднике, он только

своим видом наводил страх. Сопровождающий меня солдат вышел. Вся троица сидела за столом, развалясь в креслах. Я решил использовать фактор неожиданности – выхватил пистолет и выстрелил в главного, что сидел с надменным лицом и обещал вчера пытаться. От неожиданности все оцепенели, я выхватил нож и метнул его в коменданта. Нож попал очень удачно, я боялся, поскольку давно не тренировался, что он ударит ручкой или плашмя. Но нож вошел хорошо, чуть выше левой ключицы, в шею, почти по самую рукоять. Не давая опомниться, я подскочил к оседающему в кресле коменданту, выхватил из ножен его шпагу и резанул по горлу второго офицера. Захрипев, он повалился лицом на стол. В это время приоткрылась дверь, и зашел солдат; с недоумением он уставился на побоище. Не давая ему времени вытащить саблю или снять с плеча мушкет, я перепрыгнул через стол и всадил шпагу ему в живот. Резко побледнев, он упал на пол. Но я недооценил палача. Пока я занимался офицерами, он схватил какие-то железные щипцы и ударил меня. Краем глаза я успел заметить какой-то предмет, летящий мне в голову, и успел отклониться. Чудом железяка пролетела мимо головы и больно ударила по плечу. Второй раз атаковать меня у него не получилось: я ударил шпагой его в шею, провернув для верности. Единственный его глаз, до того пылавший злобой, помутнел, подернулся пеленой; палач упал, засучив ногами.

Бледный переводчик, не ожидавший такого поворота событий, вжался в угол. Он трясся от страха, глаза от ужаса вылезли из орбит. От греха подальше я связал его и заткнул кляпом рот. Затем раздел убитого солдата, кое-как натянул на себя его форму. Если камзол еще налез, то штаны трещали по швам, сапоги оставил свои. На голову водрузил форменную шляпу, опоясался солдатским поясом, на котором висели под сумки с порохом и пулями, подвесил к поясу солдатскую саблю в ножнах, она для меня была привычнее шпаги, взял в руки мушкет и выглянул в окно. В крепости пока было все спокойно. Поскольку звук пистолетного выстрела приглушили толстые стены, тревоги в стане противника не наблюдалось.

Я колебался: попытаться освободить матросов с английского брига или выбирать самому? Были бы русские, я бы не сомневался, но ведь может получиться, что я прорвусь с боем ко входу в подвал, и без шума эта затея не обойдется, поднимется тревога, а команда брига может и не поддержать меня, по-моему, они уж очень легко сдались испанцам. Не получится ли так, что я останусь один на один с разъяренными испанцами? Это как сесть голой задницей в развороченный улей диких пчел. Нет, рисковать попусту не стоит, я не настолько уверен в патриотизме англичан. Еще был вариант – сразу идти к воротам, но пропуска у меня нет, пароля не знаю, солдатам незнакомо мое лицо,

а наверняка в крепости они неплохо знают друг друга. Тоже неудачный вариант. Оставался еще один, к которому я склонялся, еще лежа ночью в подвале.

Я снова выглянул в окно: вдали, на плацу, маршировали солдаты, у кухни толкались несколько испанцев. Мой план касался входа в пещеру, где стоял часовой. Если это артиллерийские погреба, возможно, все сложится, как задумано, если же это вещевого или провиантский склад – я пропал.

Я вышел из комендатуры и спокойным шагом направился к двери в пещеру. Пока на меня никто не обращал внимания – ну идет себе солдат по крепости, что здесь необычного? Сердце мое колотилось, казалось, на меня обращены все взгляды, хотелось припустить бегом и приходилось сдерживать себя, раскрываться раньше времени не стоило. Я подходил к часовому ближе и ближе, наконец, когда нас разделяло метров двадцать, он забеспокоился, лица из-за низко надвинутой шляпы он разглядеть не мог, но что-то ему не понравилось – мундир ли сидел не так, или еще что-либо его встревожило, но он рявкнул что-то по-испански и снял с плеча мушкет. Я продолжал идти прежним шагом. Часовой приложил к плечу мушкет, но я был настороже и, когда грянул выстрел, упал на землю. Пуля просвистела высоко надо мной. Зато я не промахнулся: из положения лежа в стоящего человека с двадцати шагов попадет даже начинающий стрелок. Я в несколько прыжков подскочил к двери и прикладом мушкета стал сбивать замок.

Выстрел и удары мушкета привлекли внимание. От марширующих на плацу солдат отделился сержант – или кто у них там в испанской армии главный среди рядового состава – и быстрым шагом направился ко мне. Вероятно, издали он принял нашу перестрелку за пьяную разборку двух солдат. Проклятый замок не поддавался, я засунул ствол мушкета за дужку и, действуя им, как рычагом, сломал наконец замок и распахнул дверь. В лицо дохнуло прохладой и – мне на радость – пушечной смазкой. Артиллерийский склад! Сержант что-то кричал, вынимая на бегу из ножен шпагу. Ага, дождались! Я бросил мушкет с погнутым от моего усердия стволом, подобрал мушкет убитого часового, заскочил в пещеру и задвинул засов. Дверь была внушительной, толщиной сантиметров пять, дубовая и обита бронзовыми полосами. Какое-то время у меня оставалось, такую дверь сломать непросто. В пещеру откуда-то сверху, через узкое отверстие проникал скудный свет, царил полумрак, ну конечно, испанцы должны были позаботиться о естественном освещении, не со свечками же им ходить среди бочек с порохом! Я подождал, пока глаза привыкли к полумраку, и, когда стал различать окружающие меня предметы, двинулся по пещере. Она

имела несколько ответвлений, правда были они короткими, метров по пятьдесят. Я беспокоился, нет ли второго входа, иначе мне придется туго. Но галереи были плотно заставлены бочками с порохом, в пирамидах стояли мушкеты, в другой галерее хранилось холодное оружие – шпаги, сабли, боевые топоры, алебарды.

За полчаса я успел обойти все помещения. Устроено все было солидно, такая пещера – самое лучшее укрытие для любого склада: ни стены не разобрать, ни подкоп не сделать, да и крыша никогда не протечет. Жаль только, что на этом складе не было продовольствия, есть и пить хотелось сильно, пустой желудок бурчал.

И вот со стороны двери раздались крики и удары, затем грянуло несколько выстрелов. Полетели щепки, появилось несколько пробоин. Однако раздался сердитый голос сержанта – наверное, до него дошло, что стрелять в пороховой погреб чревато взрывом. Я не спеша зарядил трофейный и несколько мушкетов со склада, выбрал со стеллажа хороший нож толедской стали отличной выделки в кожаных ножнах и сунул его за пояс. Снял с себя мундир испанского солдата, оставшись в гражданской одежде. Осторожно подкрался к двери и заглянул в одно из пулевых отверстий. У двери находилось несколько испанских солдат. С десяток солдат вместе с сержантом стояли у комендатуры и яростно спорили, размахивая руками. Ага, ну это понятно, похоже, офицеров в крепости не осталось и решения теперь придется принимать сержанту.

За дверью слышались шаги, я заглянул в дырку – перед дверью стояли сержант и переводчик. Этот уже рассказал страшилки про меня, теперь испанцы знают, кто их противник.

– Выходи добровольно, мы тебя не тронем, пусть судит королевский суд!

– И что, ваш суд меня отпустит?

– Это не наше дело, все равно долго не усидишь, там нечего есть!

– А мне здесь нравится больше, чем в вашем вонючем подвале.

В ответ раздались ругательства, переводчик не переводил, но было понятно и так.

Часа через два у двери послышался шум, я приготовил несколько мушкетов, взвел курки и положил на ящик возле себя. Раздался стук топоров: испанцы пытались прорубить двери. Я схватил мушкет, выпалил в дверь, отбросил его и схватил второй, выстрелил, снова отбросил и схватил третий, пальнул еще раз. За дверью застонали, наверняка я кого-то ранил. Стук топоров прекратился, к двери теперь боялись подходить близко.

Я не спеша перезарядил мушкеты, положил их на ящик и пошел обследовать галереи пещеры более обстоятельно. Глаза уже привыкли к полумраку, так что детали я различал более отчетливо. Нашел несколько небольших бочонков с порохом, килограммов по двадцать каждый, остальные были значительно больше – килограммов по пятьдесят-шестьдесят и ворочать их было тяжело. Нашел и некое подобие бикфордова шнура – «кишка» из ткани, набитая крупнозернистым порохом. Я отрезал кусок в десять сантиметров, отошел от пороха подальше и поджег. Пока огонь горел, я считал, успел досчитать до пяти, пока кусок не сгорел. Теперь приблизительно я знал, какой длины шнур мне нужен. В дне всех бочонков проковырял ножом дырки, отрезал огнепроводный шнур и закрепил его на дне бочек. Итак, шесть просто замечательных бомбочек! Пора браться за большую бочку. Я подкатил ее к остальным, провертел дырку и воткнул небольшой фитиль, рассчитанный секунд на пять-семь. Подобрал на полке пару пистолетов и, прочистил, зарядил, сунул себе за пояс, перезаряжать их потом будет некогда, придется бросить. Взял с полки незаряженный пистолет, коих здесь еще лежало много, и пощелкал курком, попробовал еще несколько и выбрал тот, который давал хороший сноп искр. Будет у меня вместо зажигалки.

Я тихонько подкрался к двери и прикинул глазом к отверстию от пули. Метрах в десяти стояли трое вооруженных солдат, все остальные толкались у кухни. Правильно, зачем всей толпой охранять одного москвитя, который к тому же и заперся! Надоест сидеть впроголодь – сам выйдет. Я решил подождать, пока наступят ранние сумерки. Солдаты наверняка хорошо знают окрестности, а мне ночью будет проще спрятаться.

Прошло часов пять-шесть, часов у меня с собой не было, они остались с вещами на бриге. Мне было чем заняться, прощаться так прощаться, я придумал еще один подарок испанцам, на этот раз большой. Ишь, попытать меня решили, будете долго помнить русского пленника! Собрал в центре, на небольшой площадке, куда сходились все галереи, несколько больших бочек пороха, к каждой пристроил по длинному куску огнепроводного шнура и связал их в

центре в единый пучок, чтобы можно было поджечь все одновременно. Начало смеркаться, тени сначала стали длинными, затем стали расплываться и исчезли. Пора! Я собрался с духом, заглянул еще раз в пулевые дырки в двери.

Неподалеку стояли два солдата, остальные бродили по крепости, кто-то пил вино из бутылок, кто играл в кости, собравшись в кружок. Все расслаблены, не у всех имеется оружие.

Я поджег большие бочки в центре, подбежал к маленьким у входа, поджег и их, резко распахнул дверь и выстрелил из обоих пистолетов в часовых. Один за другим я выкатывал маленькие бочонки с горевшими фитилями и толкал их от пещеры. Поскольку уклон был от горы в сторону стен крепости, все шесть бочонков дружно раскатились по внутреннему двору. Сначала никто ничего не понял, но вот солдаты узрели дымящиеся фитили в знакомых пороховых бочонках и в панике бросились врассыпную. Солдаты сталкивались друг с другом, кричали и указывали на катящиеся бочонки. Прямо броуновское движение! Причем бочонки наталкивались на камешки, их траектория постоянно и непредсказуемо менялась. И вдруг, неожиданно даже для меня грохнул первый взрыв, взметнулось пламя, полетели куски земли, камней, части человеческих тел, облако дыма затянуло место взрыва, не давая мне вдоволь полюбоваться на творение своих рук. Второй взрыв, третий! Паника наступила просто мировая! Один из бочонков ударился в стену комендатуры и, пошипев шнуром, взорвался, снеся при этом половину дома. Еще один докатился до стены и взорвался там, изрядно повредив стену и сбросив вниз одно из орудий. Последний грохнул почти на плацу, разметав несколько солдат.

Пора, время поджимало, я буквально спиной чувствовал, как горят фитили в центре галереи. Подтолкнув большую бочку к выходу, я зажег фитиль и стал толкать бочку в сторону ворот. Катилась она сама легко, приходилось лишь подправлять направление. Завидев меня, бегущего за бочкой с горящим и дымящим фитилем, стража у ворот разбежалась. Я видел, что фитиля осталось на несколько секунд. Подправив в последний раз направление катящейся бочки, я упал на землю и прикрыл голову руками, зажимая уши. Грохнуло значительно сильнее, чем от первых бочонков, меня сильно подбросило и приложило о твердую землю. В ушах звенело, я на какое-то время оглох. Зато ворот и стоящих рядом башен не было, лишь дымились обломки. Я вскочил и бросился в пролом, всем нутром ощущая, что сейчас рванет арсенал. Вдогонку за мной все-таки бросились несколько наиболее упертых солдат. Видно, гибель сослуживцев их сильно разозлила.

Выскочив из крепости, я помчался по дороге, но не успев отбежать и ста метров, услышал за спиной чудовищной силы рев; обернувшись, увидел, как часть горы приподнялась, откуда, как из жерла вулкана, выплескивалось пламя, вылетали огненные головешки. Воздушной волной меня сбило с ног, мои преследователи просто кувыркались по дороге. Головешки попадали на деревянные крыши зданий. Настоящий рукотворный ад! Не теряя времени, я вскочил и бросился бежать. Меня преследовали лишь пять или шесть солдат, хуже всего было то, что в руках они держали мушкеты, а у меня за поясом был лишь один заряженный пистолет и нож. Раздалось несколько выстрелов, но пули просвистели мимо, однако если меня догонят, я не смогу с ножом обороняться от нескольких опытных солдат.

Я начал спотыкаться о камни на дороге, сказывалась усталость, нервное напряжение и голод. Бежать становилось все тяжелее, пот заливал глаза. Справа мелькнула гладь моря, дорога в этом месте делала изгиб, вплотную приблизившись к обрыву; подбежав, я посмотрел вниз. В темноте трудно было определить высоту, я не знал, глубоко ли у берега, но особого выхода не было, я разбежался и прыгнул вниз.

После мгновений полета я шумно упал в воду, к счастью, не ударившись о камни, коих здесь было много. Вынырнув на поверхность, я поплыл к берегу, он оказался недалеко, буквально в десяти метрах. Под кручей оказался узенький участок каменистой суши, покрытый скользкими водорослями. Забившись туда, я притих. Сверху раздавались возбужденные голоса преследователей. В темноте они меня не видели, скорее всего гадали – разбился я или нет. Солдаты некоторое время потоптались на месте, но удобных мест для спуска не было, а лезть в темноте по крутому склону охотников не нашлось, и испанцы вскоре ушли. Надо было уходить и мне, по возможности поскорее. Такой грохот и пламя пожара наверняка видели в городе, так что подмога не заставит себя ждать. Стоило испанцам послать несколько лодок или мелких суденышек, как меня можно будет брать чуть не голыми руками.

Порох в пистолете намок и толку теперь от него нет, потому что нет сухого пороха, но выкидывать его было жалко. Спотыкаясь о камни в темноте, оскальзываясь на водорослях, я двинулся дальше от крепости и города. Надо было до рассвета уйти как можно дальше, если поймают, думаю, жестокой казни не избежать. Все-таки на моей совести разрушенная крепость и десятки, если не сотни убитых солдат короля Филиппа. Сейчас никто не поверит, что я лекарь.

Я брел всю ночь, уже скрылись из виду огоньки города и пожарище в крепости. Небо становилось серым, задул легкий ветерок, я замерз в мокрой одежде. Хотя в Испании и зима, но температура градусов десять тепла, и если бы не мокрая одежда, было бы совсем неплохо. В расщелине, укрытой кустами, я разделся, выжал одежду и прилег отдохнуть. Сил бежать или даже идти уже не было. Каменистая земля за ночь совсем остыла, лежать неподвижно – зуб на зуб не попадал от холода. Все-таки сморенный усталостью я уснул.

Проснулся, когда уже было светло, и стал думать, что делать дальше. Нет сомнений, что испанцы разошлют гонцов во все города и поселки вокруг Картахены, так что идти по дорогам было равно самоубийству. Пробраться по берегу – долго и тяжело. К тому же я решил двигаться на север, во Францию, а по суше, передо мной встали ли бы Пиренеи, почти непроходимые зимой. Оставался только водный путь. Итак, самое разумное – идти по берегу до первой рыбацкой деревушки, украсть там лодку и на веслах, а если повезет – и под парусом, двигаться на север.

Я поднялся – вперед! Сегодня идти было несколько легче: во-первых, при свете дня были видны камни, во-вторых, одежда подсохла и не липла к телу. Часа через полтора-два, когда солнце уже почти стояло в зените, показалась маленькая рыбацкая деревушка; на берегу сушились сети, лежали лодки, несколько рыбаков смолили дно лодки, рядом бегали дети. Я залег в кустах недалеко от деревни и решил дожидаться удобного момента. В обеденное время рыбаки и дети разошлись по домам – сиеста. Согнувшись, я подбежал к лодкам. Вот незадача – лодки были, но весла отсутствовали, рыбаки уносили их с собой.

Я отправился по берегу дальше. Отойдя несколько километров, увидел невдалеке от берега рыбацкую лодку. Была она невелика, но с небольшой мачтой – стало быть, имелся и парус. Видны были два рыбака, они стояли в лодке спиной к берегу и вытаскивали сети. Пожалуй, момент подходящий. Стараясь не шуметь, я вошел в холодную воду и поплыл. Сапоги мешали, но и сбросить их я не решился, если бы я был босиком, недалеко бы мне удалось убежать по береговым камням.

Стараясь не делать шумных гребков, я подплыл к лодке, взялся за борт и рывком забрался в лодку. Та качнулась от моего веса, и рыбаки обернулись. Один рыбак был молодым парнишкой лет пятнадцати, второй – стар, сед и сух, однако лицом они были похожи, скорее всего внук и дед. Внук выхватил из-за пояса нож и двинулся ко мне, я вытащил из-за пояса пистолет и направил на него. Видя

такой оборот дела, дед что-то приказал внуку, и тот остановился. Я жестом показал парню, чтобы он выбросил нож за борт, что он с видимой неохотой и сделал. Знали бы они, что порох сырой, поэтому выстрелить из пистолета невозможно. Человек, вылезший из воды, просто не может сохранить оружие действующим. Я указал пистолетом на сети – выбирайте, мол, и дальше. Пока сети не выбраны, хода у лодки нет.

Испанцы, тихо переговариваясь, выбирали сети. Я сидел на носу лодки и не спускал с них глаз. Старик казался более мирным, но кто знает, есть ли у него еще нож и не всадит ли он его мне в спину при удобном случае? Когда сети были выбраны, я показал стволом пистолета на север и сказал: «Франция, Марсель». Может быть, ближе были и другие французские города, но я их просто не помнил. Дед покачал головой и быстро заговорил по-испански. Ничего не поняв, я отрицательно замотал головой. Дед показал три пальца и руками сделал движение, что он гребет веслами. Ага, плыть до Марселя три дня. Далековато эта чертова Картагена! Я показал рыбакам на весла, они переглянулись и в свою очередь указали на мачту, я кивнул, подросток поднял за шкоты небольшой косой парус, дед сел на корму к рулевому веслу, лодка устремилась на север, постепенно удаляясь от берега.

По крайней мере, солдат теперь можно было не бояться, но появлялась опасность нарваться на испанский корабль. В Средиземном море кто только не плавал: и французы, и испанцы, и турки, и итальянцы, и все они не прочь обобрать более слабого. Я вертел головой, пытаюсь высмотреть, не видно ли где парусов. Пока было спокойно, море чистое. Часа через два дед показал на селение на берегу – издалека оно казалось небольшим – и произнес:

– Валенсия.

Мы держались вдали от берега, но в пределах видимости земли. У порта вертелось несколько мелких суденышек, но они были далеко и опасности для меня не представляли. Так мы плыли до вечера, и передо мной вставал вопрос – что делать с рыбаками ночью? Их двое, а спать надо. Решил их на ночь связать.

Я выбрал пустынный берег и указал на него, мы пристали. Я жестами объяснил, что надо подкрепиться; рыбаки собрали по берегу плавник, развели костер и пожарили на прутиках рыбу. Все с жадностью поели. Я связал поочередно обоих, для верности повернул их спинами друг к другу и еще раз связал, благо веревок на лодке было достаточно. Теперь можно было и самому отдохнуть. Ночь прошла

спокойно; впрочем, я периодически просыпался и поглядывал за рыбаками. С утра еще раз поели жареной рыбы, днем вряд ли бы удалось подкрепиться, напились воды из маленького ручья и снова отправились в путь. День прошел без происшествий, вечером старик показал на редкие огоньки на берегу и сообщил:

– Барселона!

Насколько я помнил карту, это последний крупный город Испании на берегу, дальше – Пиренеи и побережье Франции. Мы снова пристали к берегу, развели костер, пожарили рыбы. Без соли есть было невкусно, но выбирать не приходилось. Затем все повторилось: связанные рыбаки, мой сон с перерывами, утренний костер, жареная рыба, лодка.

В конце дня старик завертел головой, тыкая пальцем в берег. Что он говорит, я не понял, тогда дед жестом показал: «Там горы». Вглядевшись, я и сам увидел скалистые выступы, теряющиеся в дымке. Пиренеи! Франция была близка, я не рассчитывал на теплый прием с оркестром, но и казнить меня, как собирались в Испании, не должны. Тем более Франция с Испанией в данный момент воевали, а я вроде как даже помог, разрушив береговую крепость Картахены.

Я показал старому испанцу на берег, он кивнул. Пристать пока было некуда – настоящие каменные стены, поэтому мы медленно продвигались вдоль берега. До Марселя или еще какого-нибудь порта далеко, на море нас могут перехватить турки или итальянцы, я не хотел рисковать и решил дальше двигаться пешком. Наконец скалы закончились, местность стала ровнее, появились кусты, найдя песчаную отмель, старик уткнул нос лодки в берег, и я спрыгнул. Мне было жаль этих людей, но заплатить за три дня работы и потерянный улов мне было нечем; помахав на прощание рукой, я двинулся вглубь берега, надеясь наткнуться на дорогу. Лодка же сразу отчалила и пустилась в обратный путь.

Начинало темнеть, я нашел место поудобнее, на небольшой полянке в чаще кустов и устроился на ночлег. Ночью выспался спокойно, утром умылся, напился свежей воды из ручья и отправился дальше от моря. Шел и размышлял – как мне добираться домой?

Документов нет, денег нет, вещей нет, оружия – кроме ножа – нет. После купания в морской воде и ночевки на земле одежда моя выглядела, как у

французского клошара, что спят под мостами в Париже. Ба, Париж! Мне надо добраться до города, там есть по крайней мере двое знакомых – Амбруаз и Филипп. Один сейчас королевский врач, другой – в посольстве. Только как их найти, я даже названий улиц не знаю, придется полагаться на свою хорошую зрительную память.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

То есть вернул в нормальное положение (мед. термин).

Купить: https://tellnovel.com/ru/korchevskiy_yuriy/bombardir

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)